„Sozialistitscheski Westnik"
„Der sozialistische Bote"
Berlin SW 68, Lindenstr. 3, 4. Hof, V.

Preis M. 1200.–
in Deutschland

Zentralorgan der Soz-Dem. Arbeiterpartei Russlands

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц

№ 10 (56) | Контора и редакция: Berlin SW 68, Lindenstrasse 3, IV. Hof, V. Тел. Dönhoff 66-96 | 12-ое мая 1923 г. | Прием по делам редакции ежедн., кроме субботы, от 1—2 час. | 3-ий г. изд.

СОДЕРЖАНИЕ

С. Л. Вайнштейн

Новую тяжелую утрату понесла наша партия. В ночь на 30 апреля бесжалостной рукой смерти из ее рядов вырван один из преданнейших и талантливейших работников ее— Семен Лазаревич Вайнштейн.

Невыразимой болью отзовется эта весть в сердцах всех членов партии. Еще так свежа, так кровоточит неизлечимая рана, нанесенная всем нам недавнею кончиною Ю. О. Мартова! Новый удар острым ножом врезается в незатянувшийся еще рубец. Еще звучит в ушах надгробное слово, сказанное Вайнштейном в память и почитание нашего погибшего вождя, и вот уже и перед его собственным бездыханным телом разверзлась могила! Так бессмысленно неожиданна, так чудовищно кошмарна смерть этого доброго, веселого, жизнерадостного товарища, что сознанию трудно осмыслить такие простые и в то же время такие роковые, такие до ужаса безнадежные слова: его уже нет и никогда не будет с нами!

Еще так недавно он был среди нас, активно настроенный, полный планов и надежд на будущее. 27-го апреля он должен был читать в берлинском с.-д. клубе доклад, к которому усердно готовился. Но 26-го он заболел — острым сочленовным ревматизмом, и через 3 дня его уже не стало: редкое осложнение — тромбоз легочной артерии — унесло его в могилу.

В его лице выбыл из строя еще один из меньшевистской старой гвардии — из того поколения ее, которое политически воспиталось на «Искре» и сразу было поставлено лицом к лицу с бурными массовыми движениями, с начала девятисотых годов предвещавшими грядущий революционный кризис. Начав свою работу в партии еще на студенческой скамье, Вайнштейн отдал ей свыше 20 лет своей жизни, неоднократно подвергаясь арестам и ссылке и ведя существование «нелегального» подпольщика.

1905 год выдвигает его в центр политической работы партии: в качестве ее представителя и делегата союза конторщиков, Вайнштейн входит в состав Исполнительного Комитета Петербургского Совета Рабочих Депутатов (под именем Звездина) и занимает в нем одно

из выдающихся мест. Вместе с другими членами Исполнительного Комитета он садится на скамью подсудимых и осенью 1906 года получает приговор — лишение всех прав состояния и ссылка на поселение. Затем следует побег из Восточной Сибири, нелегальная работа — сначала в Петербурге, потом в Баку (под именем Ник. Ив. Секерина), новый арест в 1910 году, год «предварительного» заключения и новый суд: как бежавший с поселения, Вайнштейн приговаривается к 3 годам каторжных работ. Большую часть каторги ему пришлось отбывать в крайне тяжелых условиях в Саратовском централе, после чего он был отправлен на поселение в Иркутскую губернию. Тут его вскоре снова арестуют по совершенно нелепому (как выяснилось впоследствии, провокаторскому) доносу в содействии побегу Е. К. Брешко-Брешковской, Освободившись из тюрьмы, Вайнштейн не возвращается на место поселения — в Верхоленск, а остается в Иркутске, где и проживает — большею частью нелегально — до самой революции 1917 г. Здесь с ближайшими товарищами (Церетели, Дан, К. М. Ермолаев и др.), с которыми его связали затем до самой смерти тесные узы дружбы, Вайнштейн основывает группу меньшевиков-интернационалистов, которой удалось выпустить два номера легального журнала — «Сибирский Журнал» и «Сибирское Обозрение», — сыгравшего большую роль в формировании «циммервальдского» течения русской социал-демократии.

Революция застает Вайнштейна в Иркутске и сразу вовлекает его в свой водоворот, делая одним из виднейших участников Совета и членом президиума Общественного Комитета, в руках которого в первые дни революции сосредоточивается фактически руководство всем движением и даже всем государственным управлением Сибири. Только в мае попадает Вайнштейн в Петербург, где входит в Центральный Исполнительный Комитет, принимая руководящее участие во всех его работах и в то же время непрерывно выступая на рабочих митингах и собраниях.

Большевистский переворот встречает в Вайнштейне непримиримого и энергичного противника. В декабре 1917 года впервые советское правительство, в котором заседает со-процесник Вайнштейна по делу первого Совета Рабочих Депутатов Троцкий, арестовывает неутомимого борца за его деятельную агитацию в защиту Учредительного Собрания. В марте 1919 года двери коммунистической тюрьмы снова раскрываются перед Вайнштейном, членом Московской организации нашей партии и членом президиума московского союза служащих. В феврале 1921 года Ч. К. в третий раз накладывает на него свою лапу.

Все эти репрессии не могут сломить энергии Вайнштейна. И когда летом 1922 г. большевистское правительство инсценирует кровавый фарс «процесса с.-ров», Вайнштейн в числе первых предлагает свои услуги Ц. К-у нашей партии, чтобы от ее имени выступить защитником на суде. Как известно, ни он, ни другие наши товарищи к защите допущены не были. Но мстительная злоба чрезвычайников не забыла Вайнштейну его смелого вызова: в июле 1922 года его снова арестуют и после нескольких месяцев заключения отправляют в ссылку в Туринск Тобольской губернии.

Лишь в феврале этого года ему удается вырваться из Сибирской глуши заграницу. Можно было надеяться, что здесь, в культурной обстановке, ему удастся отдохнуть и оправиться от всех физических и моральных испытаний, которыми так переполнена была его боевая жизнь. Судьба судила иначе: неутомимый работник социализма нашел отдых лишь в могиле...

Такова вкратце внешняя биография этого замечательного человека, дающая ему право на вечную память и почетное место в анналах русского рабочего движения. Но все друзья Вайнштейна, все видевшие его на работе, никогда не смогут позабыть и своеобразной личности покойного, который умел вносить во всякое дело, за которое брался, свою, ему одному только свойственную ноту.

Он любил жизнь, любил красоту, любил даже некоторую театральность. Но в этой театральности не было ни атома искусственности и фальши. Она вытекала из самого существа Вайнштейна — из того страстного, боевого темперамента, из той рыцарски-романтической влюбленности в дело революции и рабочего класса, которую он глубоко хранил в сердце своем и пронес нетронутой сквозь испытания, удары и разочарования от юности до самой могилы. И ярким пламенем прорывалась эта страсть и эта влюбленность в критические, опасные минуты, когда Вайнштейн первый, не рассуждая, подставлял свою грудь под удары, обогащая и свою собственную жизнь, и историю движения рядом красивых, незабываемых эпизодов. Совсем еще молодой Вайнштейн, пролетающий в Харькове на лихаче по рабочим кварталам, разбрасывая майские прокламации на глазах у растерявшихся шпиков, полицейских и жандармов; Вайнштейн, при аресте Исполнительного Комитета первого совета рабочих депутатов обращающийся с пламенным призывом к ворвавшимся в залу заседания солдатам; Вайнштейн, первым встающий на защиту старых борцов революции, на шею которых кровожадные палачи коммунистической диктатуры собираются накинуть петлю; — много можно было бы перечислить эпизодов такого рода из жизни Семена Лазаревича.

Живший в глубине его души революционный романтизм, который он так тщательно скрывал от посторонних взоров, и давал ему силы проходить свой тернистый путь, не теряя ни при каких условиях ни бодрости, ни жизнерадостности, ни веры в свое дело, с постоянной улыбкой на устах: с улыбкой стоял он на самых опасных боевых постах, с улыбкой нес цепи каторжанина и с улыбкой, застывшей на мертвом лице его, сошел в могилу.

Он умер молодым: ему было всего 44 года, и партия была вправе еще много ждать от него. Но если никакие испытания не смогли сломить силу духа нашего дорогого, милого товарища, то его физическому здоровью всем пережитым были нанесены неизлечимые удары. И рабочий класс не может и не должен забывать того, что не только годами голода, холода, материальных лишений, но и руками тюремщиков и палачей из числа бывших со-ратников Вайнштейна были нанесены последние, смертельные удары организму, истерзанному длинным рядом лет царской тюрьмы, ссылки и каторги. И больное тело не выдержало: случайное заболевание положило преждевременный конец такой богатой, такой многообещающей жизни! Кровь Вайнштейна, как и кровь до него сошедших в могилу Ермолаева, Батурского, Исува, Астрова и длинной вереницы других — на руках палачей, и никогда не отмыть им ее!

Не шевелиться!

Случилось то, чего ожидали все, знакомые с истинным положением Р. К. П.: XII с'езд превратился в демонстрацию неслыханного, можно сказать, прямо нечеловеческого единодушия и единогласия в партии. Единогласно одобрена политическая и организационная линия Ц. К., единогласно принята резолюция о задачах партии, единогласно одобрены тезисы Троцкого.

Куда девались все разногласия? Где внутренние противоречия, столь остро выступившие в предс'ездовской полемике? Не приснились-ли нам все эти статьи Ларина, Красина, Осинского, Зиновьева, Каменева, все эти «анонимные платформы», «Рабочие Правды» и т. д. и т. п.?

Все исчезло, как дым, рассеялось, как меньшевистское наваждение. Были позабыты все споры и раздоры, и «стальная спайка» наново сплотила воедино «железную когорту революции».

Что с'езд именно так должен был кончиться, было ясно заранее. Но столь же ясно для всех, что за пышной театральной декорацией показного единства идет дальше, ни на минуту не останавливаясь и нисколько не ослабленный с'ездом, а, наоборот, им еще усиленный, процесс внутреннего разложения и внутренней дифференциации, который с силой естественного закона порождается в Р. К. П. всем ходом развития советской действительности.

Причины, вызывающие внутренние противоречия в правящей партии, различны и многообразны, и нам не раз приходилось на них останавливаться.

Тут и пестрый социальный состав Р. К. П., представляющей собою своеобразный правительственный блок различных классов; тут и борьба недостаточно-привилегированных «низов» против сановных «верхов»; тут и противоречия ведомственных интересов, преломляющиеся в форме борьбы групп внутри партии, и прямая борьба клик за власть и т. д. и т. п.

Но над всем этим доминирует один основной, изначальный факт, от которого нельзя откреститься никакими цитатами из «Ильича», которого нельзя устранить или изменить никакими ухищрениями, никакими самыми гениальными тезисами или организационными реформами. Это — все более и более ярко выступающее противоречие между потребностями роста страны, интересами ее хозяйственного, культурного и общественного под'ема и современными формами ее политического бытия — режимом террористическо-бюрократической, партийной диктатуры.

Смутное сознание этого противоречия с различных сторон, через различные каналы давно уже начало просачиваться в ряды Р. К. П.

Предс'ездовская дискуссия и дебаты на самом с'езде показали, что неясные ощущения начинают, — по крайней мере, в некоторых частях партии, — складываться в более или менее отчетливые представления.

Процесс этот идет одновременно с различных сторон.

Прежде всего, через «хозяйственников» типа Красина. Будучи практически знакомы с методами организации капиталистического хозяйства, стоя достаточно близко к современной советской индустрии, чтобы иметь возможность вложить свои персты во все ее язвы, — этот слой коммунистов-хозяйственников отчетливее других сознает всю безвыходность создавшегося положения, всю тщетность попыток выйти из экономического тупика «своими средствиями», путем мелких «ведомственных» реформ. Со скептицизмом взрослых людей, улыбающихся над пылкими юношескими фантазиями, эти практики коммунизма, опирающиеся, повидимому, на широкий слой хозяйственников-спецов, гораздо меньше беспокоятся о «смычке с крестьянством», чем о смычке с зап.-европейским капитализмом. Все спасение в обмене веществ с мировым

Памяти борца

Еще одна смерть. Еще одна тяжелая утрата. Словно злой рок тяготеет над партией пролетариата.

За Мартовым — Вайнштейн. С дьявольской меткостью разит смерть — в голову и сердце социал-демократии. Одного за другим выводит она из строя испытанных борцов за рабочее дело. Ужасающе тает основное ядро партии, у колыбели рабочего движения стоявшее, подготовившее и проделавшее две революции гигантского размаха.

«У счастливого недруги мрут, у несчастного друг умирает». В лице Семена Лазаревича обманутый и обезволенный коммунистами рабочий класс потерял надежного друга, каких немного у него осталось. Четверть века, одинаково во дни торжеств и бед, служил Семен Лазаревич верой и правдой российскому пролетариату. Служил, но не прислуживался.

Блестящее ораторское дарование, всегда ясную и бодрую мысль, пламенный темперамент борца, все силы ума и сердца отдал без остатка С. Л. великому делу революции, освободительной борьбе пролетариата.

Трибун по натуре, вождь по призванию, он всегда искал и находил пути к массам, обращался с огненным словом к массам, работал в массовых организациях, созданных первой и второй революцией. Ему тесно было в подполье, в узких рамках кружковщины. Он не бегал от черной повседневной работы, добросовестно работал не только в революционные праздники, но и в черные реакционные будни.

Но находил он себя, но развертывался во всю лишь на открытой арене, перед лицом широких масс — в советах и союзах, на заводах и в казармах. Даже в черную годину столыпинской реакции, после бегства с поселения, под вечной угрозой каторги, он вызывающе-открыто работал в Баку, широко используя, нелегальный, куцые «легальные возможности». Кто в Баку не знал Н. И. Секерина, под именем которого жил С. Л. Вайнштейн, пока зимой 1910—1911 г. он не был «раскрыт» и за побег с поселения приговорен к трехлетней каторге?

Трибун с головы до ног, Семен Лазаревич не был демагогом. Он видел свою задачу и радость находил в том, чтобы поднимать темные, взрыхленные плугом революции массы до высоты социалистического сознания, а не в том, чтобы вести за собою, эксплоатируя их смутные революционные порывы и непросветленные классовые инстинкты. Он хотел быть вождем сознательных пролетариев, а не поводырем слепых.

Человек редкого революционного темперамента, Семен Лазаревич никогда не был его рабом. В нем билось горячее сердце революционера, но никогда, даже в самые бурные мгновенья революции, не терял он головы.

Революционное мужество в борьбе проявили многие товарищи. Им в высокой степени обладал рыцарственно храбрый Семен Лазаревич, всегда «на подвиг и битву готовый». Но сверх того, в отличие от многих и многих, он обладал еще редким политическим бесстрашием. Не принадлежа к числу «жрецов минувшего, поклонников успеха», он умел грести и против течения. Верный заветам старого меньшевизма, не

хозяйством, в притоке иностранных капиталов, без которых восстановление промышленности немыслимо. Но для этого необходима прежде всего эмансипация промышленности от партийной опеки, от всех остатков «коммунистического экспериментирования», «удаление» партии от хозяйства. По словам Красина, хозяйственники «с ужасом ожидают» принятия с'ездом нового Ленинского плана об усилении партийного вмешательства в промышленную жизнь. Но для привлечения капиталов и нормального функционирования промышленности нужен еще и некоторый твердый правопорядок во всей стране, некоторые гарантии личности и свободной общественности, некоторое подобие правового строя, в котором были бы немыслимы истории, подобные расстрелам священников. Другими словами, если расшифровать программу хозяйственников, то за ней, в области политической, скрывается стремление, в интересах развития хозяйства, ослабить режим диктатуры, ввести «хотя бы и куцую, но конституцию». Конечно, все эти логические выводы крайне тщательно «законспирированы» в официалных заявлениях и речах Красина. Он не перестает расшаркиваться перед идеей диктатуры партии, он уверяет даже, что хочет ее усилить; он саркастически высмеивает (и наверное искренне) детский лепет «левых» о каком-то «рабочем демократизме» и с гордым презрением отзывается о «меньшевиках», этих непрактичных идеологах, которые никогда не служили в «AEG» и предпочли остаться в стороне от «большой дороги» политики и сидеть в тюрьмах, вместо того, чтобы, подобно ему, держаться на поверхности ценой компромисса со своей марксистской совестью.

Но вся Красинская «конспирация» ему не помогла. Острый взор Сосновских, Зиновьевых и Радеков безошибочно уловил суть Красинских устремлений, направленных против существующей диктатуры и отвел ему место среди разновидностей «меньшевизма». И нужно признать, что правы были строгие цензора правоверного большевизма, а не Красин, вотще клявшийся в своей невинности и ссылавшийся на свои былые заслуги перед большевистской партией. Как ни далеки вообще трусливые, крохоборческие и нарочито-недодуманные, нарочито-замкнутые в узкие рамки цеховых интересов «красных хозяйственников», «теории» Красина от революционно-марксистской позиции нашей партии, в одном пункте они соприкасаются между собою — в отрицании нынешней диктатуры во имя интересов развития страны.

Другим каналом, вводящим «меньшевистский» яд в Р. К. П., являются те слои комм. партии, которые, в качестве пропагандистов, агитаторов, организаторов профсоюзов и т. д., непосредственно соприкасаются с городской рабочей массой.

Они лучше всех в состоянии наблюдать те разрушительные действия, которые диктатура Г. П. У. и партийной бюрократии вызывает в психике рабочей массы. Они видят, как террор, бесправие и абсолютная несвобода убивают в пролетариате дух самодеятельности, общественности и политической активности, сея разочарование, шкурничество, политический разврат, пассивность. Тут, у источников былой силы большевизма, они ясно ощущают всю сложность и всю опасность вызываемых нынешней обстановкой социальных и политических противоречий, тут они конкретно видят, как в жизни и головах рабочих преломляется сочетание нэпа с террористической диктатурой, закабаляющей рабочий класс экономически и политически.

Не имея силы и смелости разобраться в основных причинах создавшегося положения, «задумавшиеся» коммунисты из среды рабочих оппозиционеров не могут найти и радикального выхода из тупика. Одер-

---

боялся он, разойдясь с массой, увлекаемой потоком событий, быть в меньшинстве, раз того требовали общие и длительные интересы рабочего класса. Меньше, чем кто бы то ни было, поддался он «чарованью красных вымыслов», все захлестнувшей волне большевистской идеологии...

В широких кругах С. Л. больше всего известен, как видный деятель двух революций, как активнейший участник центральных советских организаций в 1905 и 1917 гг. Много меньше знают его роль в партийной жизни. Бесконечные годы тюрьмы, ссылки, каторги, нелегальной жизни в далекой провинции долгое время мешали ему занять то положение в партии, на которое давали ему бесспорное право его революционный и партийный стаж, политическая зрелость и опыт, высокая и разносторонняя одаренность. А в бурные дни революции его целиком поглощала советская работа, не оставляя времени для внутрипартийной деятельности. Лишь с 1918 года С. Л. смог отдаться последней целиком и сразу выдвинулся в самые первые ряды нашей партии.

Не составляет секрета глубокое расхождение взглядов внутри нашей партии на задачи и тактику ее в переживаемой революции. После 1918 г. это расхождение грозило вырасти в пропасть — до того различным стало понимание характера нашей революции и наших тактических задач. Ни на одну минуту С. Л. не поколебался в тех основных программных и тактических принципах, которыми он — и мы, его единомышленники, оказавшиеся к концу 1917 г. в меньшинстве, — руководились в своей политической деятельности.

В течение ряда лет С. Л. возглавлял в Москве оппозицию против официальной партийной линии. Но при всех своих расхождениях, он всячески избегал раскола в партии, неизменно стремился к изживанию разногласий путем идейной борьбы. Когда в связи с идейной и практической капитуляцией коммунизма (нэп), с выявлением буржуазной сущности всероссийского «социалистического» маскарада, начали сглаживаться раздиравшие ее ряды разногласия, С. Л. один из первых стал стремиться к сближению далеко разошедшихся крыльев нашей партии, к консолидации всех пока рассеянных социал-демократических сил на платформе классовой борьбы и демократического социализма. Чуждый навыкам кружкового фракционерства, он обнаружил при этом исключительно верный такт и широкое понимание повелительно поставленной жизнью задачи восстановления единства партии.

Смерть вырвала С. Л. из рядов партии в расцвете сил. Еще один голос умолк на братской перекличке. Сомкнемте же тесней поредевшие ряды! Не уныние, — бодрый оптимизм завещал нам наш дорогой друг и соратник, всегда жизнерадостный и действенный, никогда не знавший раз'едающей рефлексии, безвольного опускания рук.

Там, за далью исторической непогоды, он провидел уже новый рассвет социалистического рабочего движения в России. Ему не пришлось дожить до восхода солнца. Но будем верить, как верил он, любимый, что придет, наконец, настоящий день! И тогда тысячи рабочих вспомнят отважного и стойкого борца, на аванпостах двух революций высоко державшего красное знамя социалистической демократии.

Н. Гарви.

жимые суб'ективно «левыми» устремлениями, они, конечно, (и, без сомнения, искренне) открещиваются от «социал-предательского меньшевизма» и его «антипролетарских» выводов. Они ищут выхода в требовании «свободы внутри Р. К. П.», в установлении «рабочего демократизма» — для коммунистов и «беспартийных», в уничтожении развращающей монополии «партийного билета» и т. п. мелких паллиативов. Напуганные жупелом «буржуазной» демократии, они всеми фибрами цепляются за «диктатуру пролетариата», которую попрежнему теоретически отожествляют с диктатурой партии, но у них уже начинают зарождаться практические сомнения, является ли данная диктатура верхов Р. К. П. подлинной диктатурой, возможен ли при ней под'ем рабочего класса на ту высоту, которая необходима, для того, чтобы он стал творцом социализма?

В этом причина зарождения всяких групп в роде «Рабочей Правды», всяких анонимных «платформ» и т. д. Но в этом и корень их «меньшевизма», по справедливому указанию большевистских «консулов», призываемых Мартыновым к «бодрствованию». Кто усомнился в благодетельности неограниченной диктатуры 5- или 12-членного «политбюро» Р. К. П., кто требует расширения базы этой диктатуры на массы, кто говорит о самодеятельности рабочих, — тот, м. б., сам того не зная, говорит «меньшевистской» прозой, тот подрывает «основы существующего строя».

В отличие от Красиных (что им Гекуба?) эти элементы коммунистической партии суб'ективно исходят из интересов революционно-социалистического развития рабочего класса, а не из технических интересов восстановления промышленности. Но они с другого конца приходят к той же основной проблеме, упираются в ту же главную задачу: несовместимость режима террористической диктатуры с интересами под'ема страны, необходимость иного, более свободного, более демократического политического строя.

Правящее ядро большевистской бюрократии хорошо понимает всю серьезность отмеченных нами явлений, всю глубокую почвенность возникающих в Р. К. П. течений. Они все достаточно читали Маркса, чтобы понимать историческую неизбежность того исхода, к которому направлены и «правый» и «левый» уклоны в партии.

Но они не менее хорошо сознают, какая огромная опасность для их интересов, как правящего слоя, таится в этих «меньшевистских» тенденциях. Тертые практики, они лучше своих наивных левых понимают неразрывную, железную связь между «А» «рабочего демократизма» и «Б» подлинного меньшевизма, между действительной свободой хотя бы для одних только членов Р. К. П. и «честных беспартийных», и свободой для всего народа.

Они знают, что всякие попытки приспособить диктатуру к потребностям действительной жизни обозначают на деле конечный отказ от нее, а, следовательно, и отказ для них от неограниченного властвования над страной и от всего того, что связано с этим и материально и морально.

XII с'езд показал, что противоречие между интересами правящего слоя Р. К. П., требующими сохранения нынешней диктатуры, и потребностями пролетариата и всей страны, повелительно диктующими переход к демократическому режиму, господствующая партийная бюрократия разрешила в духе своих эгоистических интересов. Она, пользуясь своей огромной политической и экономической мощью, раздавила и психологически сокрушила свою оппозицию, постаралась обойти все жгучие вопросы, заполнив зияющую бездну между действительностью и казенной теорией грудами самого беспардонного «компрожектерства» и «комфанфаронства», и одержала еще одну «блестящую победу» над исчадием «меньшевизма».

Памяти друга

Наша первая встреча была с ним давно, в 1905 году, вскоре после 9 января. Это было в Петербурге за Невской заставой в вечерних классах Смоленской школы, где по вечерам обычно происходили различные собрания и сходки рабочих. На одном из таких собраний, на докладе С. Н. Прокоповича, пытавшегося в то время организовать рабочий союз, примыкающий к союзу освобождения, для поддержки нас, постоянных районных работников, был прислан из центра т. Звездин. Как сейчас, вижу его: красивый молодой человек, с небольшой русой бородкой, изящно — по-европейски одетый, с красным платочком в кармане пиджака. Как сейчас, слышу его блестящую речь, полную остроумия и энтузиазма, призывающую рабочих к самостоятельному сплочению, к революционной борьбе.

Это была наша первая встреча, оставившая у меня в памяти впечатление о Звездине, как о прирожденном ораторе, действенном и самоотверженном революционере. Его роль в октябрьскую революцию 1905 года, работа в Исполнительном Комитете Петербургского Совета рабочих депутатов, его героическое обращение к солдатам при аресте совета — все это только укрепило во мне то впечатление, которое осталось от мимолетной встречи на диспуте с Прокоповичем, несмотря на то, что в тот бурный период лично нас судьба не сталкивала.

Снова встретились мы с ним, но уже не как с Звездиным, а как с Вайнштейном, только в 1917 году, опять-таки в Петербурге, на квартире нашего общего, теперь также умершего друга, К. М. Ермолаева. Вайнштейн, только что вернувшийся из Сибири, снова был членом Исполнительного Комитета Петроградского Совета, снова стоял в центре революционной борьбы. Но и теперь встречи наши продолжали носить эпизодический и деловой характер; сойтись ближе, лучше узнать его мне, только на короткий срок наезжавшему тогда в революционнную столицу, не удавалось: события теснили, действовали массы, отдельные лица как то отходили на второй план, стушевывались. Для более близкого и тесного общения нужно было другое время и другая обстановка.

Это случилось в Москве в 1919 году по выходе его из большевистской тюрьмы, куда он был упрятан за руководство борьбой союза служащих за свободу и независимость профессиональных союзов.

В эти долгие тяжелые годы (1919—1922), годы постепенного умирания и вырождения революции, годы террора и безраздельной диктатуры коммунистической партии, я имел счастье близко узнать Вайнштейна, узнать в нем не только несгибающегося и стойкого борца, но и обаятельного талантливого человека, с разносторонними интересами и запросами. Именно в эти годы общественного распада и идейного разброда для всех нас, лично и идейно близких ему, вырисовывалась вся моральная и интеллектуальная сила его. События не сломили его, он остался верен себе, не обнаружил ни

Пиррова победа!

Вся тактика Зиновьевых, Каменевых, Сталиных сводилась на этом с'езде к тому, чтобы, учитывая крайне неустойчивое положение партии, поставленной всей своей гигантской пирамидой на острую верхушку «Политбюро», избежать необходимости хотя бы малейшего шага в какую-бы то ни было сторону. Не двигаться, не шевелиться, не вносить никаких перемен. Сохранение «status quo» во что-бы то ни стало, какой-угодной ценой, — вот рецепт спасения, вот повелительный императив!

Закрыв глаза перед действительностью, убаюкивая себя все новыми и новыми утопиями, вожди Р. К. П. удерживают дыхание и стараются не переступить ногой, чтобы не покачнулась колеблющаяся дощечка, на которой они стоят.

«Не шевелиться» — вот новейший лозунг большевизма, породивший и блистательное «единогласие» на с'езде, и восторги «единства и сплоченности», и полную победу «камарильи». «Не шевелиться», — твердят вожди Р. К. П., покачиваясь на хрупком плоту своей диктатуры, который «река времен» мощно и неудержимо влечет к гранитным утесам демократии.

Р. Абрамович.

Фельдфебель в Вольтерах

„Он был глубокий эконом."

Лев Давыдович Троцкий не простой нарком, как все остальные. Его гений не ограничен стенами ведомства. Его знания простираются на все области теории и практики. Он все постиг; он справится со всеми трудностями. Заговорит — сердца потрясает; рукой прикоснется — как волшебною палочкой. Он политик и экономист, он оратор и журналист, — он универсальный коммунист!

Лев Давыдович Троцкий не сидит на одном месте. Он, что ни год, возглавляет новый наркомат. Сперва наркоминдел. Он говорил речи и в Петербурге, и в Москве, и в Бресте. Тут он однако слегка промахнулся, — и отправился в наркомпрод. Он говорил здесь речи — и в Москве и в Петербурге и в провинции. Он в миг осуществил «продовольственную диктатуру». Когда положение с продовольствием при «железной диктатуре» сделалось однако совершенно невыносимым, он ушел в наркомвоен. Ненависть народных масс к армиям реставрации принесла победу революционным войскам, — Троцкий надел ботфорты и украсил свою грудь орденом красного знамени. Тогда он во всей своей красе и силе направил внимание на увядающие желдоры; он превратился в наркомпуть. Он говорил речи и в Москве и в провинции; он проповедывал американизацию; нет, более того, он агитировал за «унификацию» составных частей и аппаратов железнодорожного хозяйства, он мечтал о «стеклянном колпаке», он издал знаменитый «приказ № 1042», и радиостанции всего мира принимали весть о великом изобретении гениального вождя. . . Ау, где ты ныне, гениальный «приказ»? И каким колпаком наградил наркомпуть твоего родителя?

Ныне Троцкий в третий раз является на экономическом поприще. На с'езде РКП он выступает с большим докладом о промышленности и промышленной политике. И всякий уже знает: докладом дело, конечно, не кончится, и звезда Троцкого взойдет ныне над одним из экономических комиссариатов, если только не придумают об'единить два-три комиссариата под его высокую руку, давши ему парочку хинчуков в помощники. Поэтому кандидатский доклад Троцкого заслуживает внимания.

малейшей склонности к принижению принципов социализма и демократизма до уровня времени. Режиму террора и рабства, режиму военной экспансии и красного империализма он, как и раньше, противопоставлял твердую и непреклонную волю революционера. Примиренчество было чуждо его натуре борца.

Но в этой борьбе с дитатурой и террором за демократию Вайнштейн никогда не попадал в положение человека, ополчающегося на самое революцию; человека, не видящего за отдельными проявлениями революции, каковы бы они ни были, того великого сдвига, который должна была пережить Россия, и в действительности пережила, несмотря на большевизм, вопреки ему, через его голову. Он это почувствовал и понял; поэтому, основным и главным нервом всей его политической деятельности было «приятие» революции. Помню наши нескончаемые московские споры на эту тему: Вайнштейн всегда убежденно доказывал, что исторический баланс русской революции, несмотря на громадный пассив большевистско-коммунистического господства и экспериментаторства, сводится с активом и этот актив — те великие возможности, которые получила раскрепощенная страна и которые с стихийной силой проявятся «на другой день», в условиях демократического развития.

Отсюда его бодрость и энергия, его заражавший всех оптимизм, непоколебимая уверенность в том, что «завтрашний день призовет». И он ждал этого призыва, всегда готовый на него откликнуться. А откликаться он умел, как редко кто умеет это делать — беззаветно, вполне, порывая со всем окружающим, близким и дорогим, с любовью и вкусом к жизни красочной и разносторонней. Спокойно и с гордо поднятой головой входил он в двери тюрьмы, обращался с речью к солдатам, ожидая не аплодисментов и оваций, а пули. Не даром он принадлежал к тому уходящему теперь в историю поколению революционеров, которое умело умирать.

Именно, поэтому, он в то же время с спокойным и трезвенным умом, умевшим в вихре событий распознавать об'ективные возможности и пределы движения, пользовался тем влиянием среди своих друзьей и единомышленников, которое фактически сделали его руководителем так наз. «правого» течения нашей партии в период 1918—22 гг.

Последний раз Вайнштейн откликнулся на призыв жизни в Москве во время суда над с. р-ами. Он был убежден в том, что мы должны участвовать в этом процессе в роли защитников и с радостью принял на себя это тяжелое бремя, за что и заплатил тюрьмою, ссылкой в Туринск, наконец, изгнанием. Вероятно, это была последняя капля, переполнившая чашу терпения природы и она отомстила — преждевременной смертью его на чужбине.

Годы тяжелых лишений сломили его организм, но дух его, дух верного и стойкого солдата революции горел в нем до последний минуты ярким пламенем. Пусть этот дух живет среди нас.

А. Дюбуа.

Прошли те времена, когда наркомы говорили речи простые и несложные, как те косоворотки, в которых тогда они щеголяли. Нынче одни облачаются во фрак с цилиндром, другие в изящный френч, к которому заботливо прикрепляются ордена. И речи тоже стали заботливо примеренные и приглаженные. В течение целого месяца секретари и секретарши разыскивают цифры, подбирают цитаты, снуют по статотделам всевозможных совучреждений, и сорок тысяч курьеров мчатся в ЦСУ и обратно с запросами, таблицами, докладами, и новыми запросами и новыми докладами. Стенографистки пишут, машинистки переписывают, корректора исправляют, и весь штаб готовится к тому дню, когда Троцкий вступит на трибуну.

И вот наступает этот день. Затихли птицы и звери, умолкли громы и водопады. Троцкий делает свой доклад. Он говорит и час и два, и благодарная аудитория прилежно выполняет свой долг: в восторге от гениальных открытий оратора; апплодисменты непрерывно переходят в овации. Открытия, надо сказать, действительно потрясающие: «сельское хозяйство у нас представляет преобладающее занятие населения», это выяснилось 21 апреля 1923 г. из речи Льва Давыдовича. «Промышленность существует для того, чтоб производить полезные вещи!» Вы подумайте, «отчетность нужна для того, чтоб не воровали», а с другой стороны, «нельзя торговать с прибылью, если воруют». Кто бы мог это раньше подумать! На шестом году управления советской страной, Троцкий пришел к убеждению, что «телегу надо ладить зимой, а сани летом». Больше того, глубокий эконом, который раньше думал о советском государстве, что «не надо золота ему, когда простой продукт имеет», пришел ныне к убеждению, что «копейка рубль бережет». С этим громадным научным багажом Троцкий подходит к задачам экономики. В чем же состоит главная задача? В сотнях резолюций она до сих пор формулировалась так: двинуть вперед производительные силы. Но Троцкий — не то, что все, он говорит по новому: «нужно подтолкнуть вверх наши производительные силы». Неужели вы еще не видите, как много нового дает Троцкий в своем докладе?

Впрочем, кроме тривиальностей, пошлостей и словесной шелухи, он сообщает некоторые данные, полученные им из разных учреждений и представляющие действительный интерес, поскольку можно вообще относиться серьезно к этой сомнительной статистике. Крупная и средняя промышленность произвели в 1921 г. товаров ценностью в 669 миллионов зол. руб., а в 1922 г. в 954 миллиона. Из последней цифры, однако, надо вычесть около 5 %, т. е. около 50 миллионов, которые приходятся на долю аренды и др. форм частного хозяйства. Таким образом государственная промышленность произвела товаров на 900 миллионов. К сфере-же частного хозяйства относятся: во-первых, сельское хозяйство, производство которого оценивается в 4 миллиарда; во-вторых, ремесло и кустарная промышленность — 435 миллионов, в третьих, аренда и пр. — 50 миллионов. Итого 4½ миллиарда, или 500 миллионов в одной промышленности.

Однако, наш «глубокий эконом» забыл одну мелочь. Ценность товара не есть та сумма, которую получает завод при оптовой продаже. Вся сумма прибылей торговцев, оптовых и мелких, а также и всех посредников составляет часть ценности товара, и производится она почти целиком рабочими того завода, который выпускает товар в продажу. Между тем, в России в настоящий момент эти прибыли чудовищно велики. Если государственные предприятия продают свои товары (посредникам, или оптовикам, или розничным торговцам) за 900 милл. (так-ли надо понимать цифры Троцкого?), то действительная картина будет примерно такая: ценность товаров, произведенных в государственной промышленности — два миллиарда; из них 900 миллионов возвращаются с рынка в кассы заводов, а сумма около одного миллиарда составляет доход торгового капитала. Здесь-то и происходит процесс нового «первоначального накопления» капиталов русской буржуазии. Если к сумме в 500 миллионов руб., (ценность производства мелкой промышленности) присоединить еще этот миллиард, то мы будем недалеки от истины.

В цифрах у нас, быть может, и ошибка. У нас нет данных, чтоб точно подсчитать, и в нашем распоряжении нет ни курьеров, ни секретарей. И где нам, скромным социал-демократическим публицистам, сравняться с научностью методов Троцкого! Но почему бы ему не попробовать произвести этот расчет? Результаты окажутся, вне всякого сомнения, именно те, о которых мы говорили: валовые (а не только чистые) доходы частного хозяйства в городе (т. е. ремесла, кустарей, аренды, концессий и торгового капитала) значительно превысят ценность производства государственного хозяйства. Из народно-хозяйственного оборота, если исключить из него сельское хозяйство, не меньше 60 % поступают частному хозяйству, 30—40 % — советской промышленности. Ремесло и кустарничество — говорит Троцкий, — это тот «питательный бульон, из которого одним крылом развивался наш капитализм». Он читал, видно, кой-какие книжки о Западной Европе в XV и XVI веках. Но он не хочет знать, что у нас есть бульон куда покрепче: его варят на кухне у П. Богданова, и капитализм родится из нашей госпромышленности куда быстрее, чем он развивался и развился-бы из ремесла и кустарного хозяйства в прежние эпохи.

Но останемся при том, что дает нам Троцкий. Ценность производства крупной и средней промышленности поднялась с 669 до 954 милл., т. е. на 45 %, в частной промышленности те же цифры 260 и 435 милл. Повышение здесь — на 70 %! Итак, даже откинув торговый капитал и все виды незаконного капиталобразования, частная индустрия растет быстрее. Чем же это об'яснить? Очевидно, цены на продукты государственной промышленности стоят очень высоко. Высокие цены об'ясняются главным образом недостаточной нагрузкой предприятий. Но ведь повышение производства на 45 % означает увеличение нагрузки, т. е. должно дать возможность легче конкурировать на рынке. Между тем успехи частного хозяйства значительно больше, чем государственного! Еще два-три года таких «под'емов», как в 1922 г., и частная промышленность перерастет государственное хозяйство.

Но гораздо важнее вопрос о чистой доходности предприятий. Что частное хозяйство в общем дает чистый доход, и порой доход не малый, — ясно из того, что оно живет и развивается. Что же касается государственной промышленности, — здесь дело очень печально. «Мы за этот год работали в убыток» — признает Троцкий. У него нет даже надежды на то, чтобы избежать убытков в третьем году нэпа. Его скромное пожелание состоит в том, «чтобы на третий год наши убытки стали меньше, чем во втором году». И с развязностью, свойственной нашему глубокому эконому, он формулирует такой принцип: «если убыток уменьшается, а промышленность растет, то наше дело в шляпе». Авось через тридцать лет промышленность будет жить без субсидий!

Но Владимиров находит, что скромные пожелания Троцкого все же преувеличены:

«На мой взгляд положение вещей даже еще тяжелее, чем охарактеризовал т. Троцкий». «Дефицит в 220 миллионов руб. только внешний, фактически он гораздо больше. Денежный капитал уже превратился в очень крупную и серьезную величину. Ряд мелких торговых предприятий закрываются на наших глазах и превращаются в крупные. В деревнях все больше возвышается частный торговец, который умеет подойти к крестьянину и умеет дешевле продать. Наряду с очень тяжелым положением промышленности, мы видим, как частный капитал все больше возрождается. У страны нет возможности содержать такую государственную промышленность».

Троцкий ходит вокруг да около этого вопроса, и останавливается на одних только мелких дефектах. То он заговорит о ненужных рекламах, то он обещает концентрацию кредитования, то бесконечно об'ясняет пользу калькуляции, то наконец сводит дело к подбору подходящих людей для управления промышленностью. Как на всех предыдущих с'ездах, цитируются чьи-нибудь слова о «неумелом, бессистемном, неосторожном подборе состава правления трестов». «Правления наших трестов и директора наших предприятий не являются настоящими хозяевами, которые бы за всем смотрели, за все болели душой, дорожили-бы каждой минутой времени, берегли-бы каждую копейку, проводили-бы дни и ночи в заботах о нуждах наших фабрик, заводов, рудников». Но если таких людей нет, то не следует-ли из этого, что нужны, для поднятия хозяйства, более серьезные меры, чем сногсшибательные откровения о калькуляции?

Почему-же, однако, таких людей нет? К этому вопросу глубокий мыслитель Троцкий и не пытается подойти. А между тем, в этом-то все дело. Совершенно очевидно, что в русских условиях не мог вырасти еще тот слой культурных, деловитых, преданных делу и государству «хозяйственников», которые могли-бы вести промышленность не хуже, чем частный хозяин. Их и раньше было дьявольски мало, а пять лет голода, диктатуры и бесконтрольного хозяйства развратили добрую половину того, что было. Сейчас буквально десятки трестов на скамье подсудимых. А сколько еще не попалось? То, что осталось честного и способного — этого хватит лишь на значительно суженные размеры государственного хозяйства. В том факте, что этих людей в России — в отличие от Европы — так мало, в нем исказывается недостаточное развитие, неподготовленность России для широко-обобществленного хозяйства. А взрастить такое поколение — это дело многих лет и десятилетий, и для этого требуется раньше всего благоприятная политическая обстановка, которая меньше всего походит на диктатуру. В этом смысле абсолютной и буквальной истиной остается старая формула социализма: демократия есть школа для социалистического хозяйства.

Разумеется, Троцкий этого не видит, не знает, не понимает. Он увлечен словесным фейерверком и «дружными апплодисментами», от магической силы которых ему пора-бы излечиться после двукратного опыта в экономических комиссариатах.

Д. Далин.

Гнусная комедия

По всем признакам, новая мерзость затеяна в Москве по отношению к нашей партии. «Новые, плановые, хоть и не менее жесткие методы борьбы с меньшевиками», которыми Троцкий уже с месяц назад обещал позабавить свою партию, принимают более отчетливые очертания. Повидимому, в Москве затеяли «с'езд социал-демократов» на подобие того «с'езда эсэров», который состоялся месяца два назад и который явил миру редкую картину братания палачей с избежавшими петли, пресмыкающимися жертвами.

Но если «с'езд эсэров» сумел не столько правдами, сколько неправдами выступить от имени одной тысячи ренегатов, то чекистские мошенники не надеются даже и на такое число «последователей» из «меньшевистского лагеря». И поэтому подготовка гнусной комедии превращается в кровавую трагедию для всех с.-д., находящихся в тюрьмах, ссылке, концлагерях или оставшихся еще на воле. Чтоб хоть кого-нибудь привлечь к своей затее, спущены с цепи все заплечных дел мастера, и беспримерная оргия террора разыгрывается теми, из кого так легко было-бы сколотить «с'езд монархистов» или с'езд «дубровинцев» или просто — «союза русского народа».

Удастся-ли созвать с'езд «раскаявшихся меньшевиков»? Но почему-бы и нет? Беспардонные карьеристы, в свое время присосавшиеся к партии; проходимцы и авантюристы, меняющие свою партийность, «смотря по обстоятельствам»; обыватели революции, которым страсть как импонирует «твердая власть» Лубянки; растерянные рабочие и интеллигенты, заблудившиеся в дебрях гражданской войны; трусливые чиновники, пресмыкающиеся лакеи, партией отвергнутые люди, подхалимы, мошенники всех мастей — вся та мразь человеческая, которая неизбежна в каждой партии и которая готова всегда покинуть и предать, — почему-бы им не с'ехаться в Москве, на потеху начальству, в чаянии наград и орденов? Какое им дело до того, что подготовка с'езда выразилась в сотнях расстрелов в Грузии, многих сотнях арестов по всей России, что она стоила голодовок и болезни не одному десятку честных, безупречных героев социал-демократии?

И совершенно безразлично, кто возглавит этот с'езд. Всегда найдется тройка дурачков, которым лестно составить президиум, хотя-бы это был президиум такого с'езда. Уже ГПУ воспитало десяток-другой специалистов ренегатства. Отдаст-ли, однако, старый Мартынов свое имя для прикрытия этой позорной игры? Но и это в конце концов довольно безразлично.

Одно лишь для нас не безразлично: найдется-ли в России хоть один грамотный или полуграмотный человек, который поверит в слова и дела «делегатов» этого с'езда? Мы ни минуты не сомневаемся в ответе на этот вопрос. Этакой с'езд с позволения начальства, при участии высших сановников из РКП, рекламированный стекловскими усилиями, на котором не раздастся ни одного свободного и честного социал-демократического слова, не введет в заблуждение никого. И каждый человек услышит звон серебренников в карманах тех, кто будет уходить с этого совещания, каждый увидит в решениях его следы трусости и предательства.

А социал-демократия пойдет своим путем, и в истории ее этот эпизод оставит лишь кровавые следы — следы крови жертв, которая течет во имя новой лубянской затеи, той крови, которая, сочась из ран умирающих, навеки цементирует союз живых, смелых, бодрых и боеспособных борцов.

Д. Ю.

Хлебная „смычка"

Только что закончившийся с'езд Р. К. П. принял постановление о всемерном осуществлении экспорта хлеба монопольным аппаратом Н. К. В. Т. Советские газеты посвящают этому вопросу многочисленные статьи. Речь идет теперь совсем не о той скромной операции, о которой говорил три месяца назад Красин, защищаясь от нападок буржуазной европейской печати: по транспортным причинам из некоторых пограничных районов, обладающих избытком, приходится вывезти хлеб с тем, чтобы в другие голодающие районы ввезти его из заграницы. На очереди — одна из ударных кампаний, задуманных коммунистами-хозяйственниками и призванная, путем экспорта, восстановить народное хозяйство России и, в первую очередь, крестьянское.

Некоторые иностранные буржуазные газеты и вся эмигрантская печать шумно протестуют против этого шага. «Вывозить хлеб, обагренный кровью». «Просить о помощи и отнимать последний кусок хлеба у голодного крестьянина». «Накормили бы прежде умирающих детей, голодного рабочего».

Наиболее громко протестуют, во имя морали, органы, связанные с теми сторонниками священной частной собственности и благодетельного капитализма, которые, если бы завтра очутились у власти, немедленно начали бы железной рукой помещика, банкира, купца-экспортера осуществлять вывоз хлеба.

Они быстро позабыли бы о муках голодных, как не помнили о них в царское время, вывозя в самые голодные годы сотни миллионов пудов «излишков» хлеба. Они не прекращали вывоз хлеба заграницу и в жуткие годы гражданской войны, когда в губерниях, занятых Деникиным или Врангелем, они еще были хозяевами. «Не доедим, но вывезем» — формула, сложившаяся гораздо раньше откровений коммуниста Красина.

Вопрос о вывозе хлеба из Советской России следует рассматривать, как проблему политико-экономическую, а не моральную. Для всякого, кто изучал хозяйство России, ясно, что возобновить вывоз хлеба необходимо. Только при этом условии возможно вовлечение России в мировой обмен, поднятие, в первую очередь, крестьянского хозяйства, а затем и промышленности. Оздоровление сельского хозяйств и промышленности легче всего начать путем экспорта продуктов деревни. Если Россия не сможет в ближайшие годы возобновить вывоз льна, конопли, молочных продуктов, шерсти, кожи, а главное, зерна, то ей неизбежно предстоит путь аграризации, экономического и культурного упадка, независимо от того, какая власть будет стоять во главе страны. Этого одинаково требуют жизненные интересы и деревни и города. По данным С. Н. Прокоповича, валовой доход от сельского хозяйства, в среднем за пятилетие 1909—1913 г. г., по 50 губ. Евр. России, составлял 48% всего народного дохода в год. В русском же экспорте за эти годы сельское хозяйство играло решающую роль, достигая в среднем 80% ежегодного экспорта. Основное орудие производства крестьянина — земля, — как ни велики потрясения сельского хозяйства, все же относительно менее пострадало за годы разрухи и, главное, оно быстрее и легче оправляется. Но лишь только в подымающемся крестьянском хозяйстве, после первого среднего урожая, появляются хлебные излишки, оно желает их продать так, чтобы получить взамен сельско-хозяйственные орудия, инвентарь или другие продукты промышленности. До войны 30% своей продукции крестьянские хозяйства (частновладельческие — до 65%) продавали, при чем $1/3$ заграницу. В некоторых же районах почти все продажное зерно отправлялось заграницу. Когда в годы войны прекратился вывоз хлеба заграницу, исследователи установили сильнейшее падение засева в районах, ранее вывозивших. Напр., в нижневолжском районе на 18%, Новороссийск. на 13%, Север. Кавказе — 29%.

Малограмотный крестьянин — кулак Украины или кубанский казак, не выезжавший всю жизнь дальше своего уездного города, очень отчетливо понимает, что ему нужен заграничный рынок, что на его товар в стране нет выгодного внутреннего покупателя. Он знает, что в былое время, продав зерно, он легко покупал в ближайшем городе нужный ему плуг или молотилку; теперь же их может найти лишь счастливец, да и то ценой чуть-ли не всего урожая. Он знает, что раньше за аршин ситца он платил 7 ф. хлеба, теперь же до 1½ пудов, за новые сапоги — раньше 6 пуд., а теперь 25 пуд., и т. д. Вместе с сознанием, что город его грабит, что советский государственный аппарат стоит ему слишком дорого, в нем крепнет понимание, что ему, крестьянину, нужен выход на заграничный европейский рынок.

И то обстоятельство, что в то время, как его закрома полны хлеба, где-нибудь в Крыму или в Туле голодают крестьяне или рабочие, совсем не дает нового направления крестьянской хозяйской энергии, ибо ему нужен покупатель, а голодающие люди не могут ими быть. Не может закупить значительного количества хлеба для голодающих и советское государство, сводящее свой бюджет с колоссальным дефицитом.

Экспорт хлеба увеличит хозяйственную крепость крестьянина, в частности его покупательную способность. Появление вновь массового внутреннего потребителя будет мощным толчком городской промышленности, свежей кровью, влитой в ее омертвевшие члены.

Итак, вывозить хлеб необходимо и чем скорей, тем лучше. Но в каких пределах возможен сейчас экспорт хлеба из России? И сумеет ли выгодно для крестьянина, а значит для всего народного хозяйства, справиться с этой задачей монопольный государственный аппарат?

Беда России не в том, что она вступает на путь экспорта, несмотря на голод в стране, это неизбежное явление товарного хозяйства, а в том, что ей почти нечего вывозить, и что вся политика советской власти такова, что те немногие запасы хлеба, которые все-же вывезут, не будут во время мобилизованы и выгодно проданы.

Валовой сбор России (без отошедших частей) всех зерновых хлебов в 1909—13 г. г. равнялся 3620 милл. пуд., из них в среднем вывозилось 600 мил. пуд. При этом и экономисты и статистики устанавливали, что вывозили ценой недоедания крестьянина. Занимавшиеся вывозом купец-экспортер и сельско-хозяйственная кооперация своими щупальцами достигали самого мелкого производителя хлеба. Ясно, что те 16,2 пуд. хлеба в среднем на душу, которые оставались в стране — являлись минимальной нормой потребления*).

За годы гражданской войны, продразверстки, комбедов, голода — продукция сельского хозяйства уменьшилась на 38—40% (уменьшение посевной площади, урожайности, живого и мертвого инвентаря); урожай 1922 г. в силу этого обстоятельства не мог быть больше 2 миллиардов пуд. Оптимисты из советских статистиков устанавливают его в 2300 милл. пуд., другие в 1800 милл., в 2 миллиарда. При таких условиях, если вести расчет по всей стране, исходя из среднего потребления даже в 10 пуд. в год на душу, сократить потребление скота на 40% — в виду его уменьшения на этот % — взять семенной фонд минимальный (500 милл. пуд.), а расход на технические цели совсем не учитывать, то при всех этих предельно-минимальных условиях — «излишков» для вывоза в стране нет, едва удастся свести концы с концами.

Еще недавно такого же мнения держались многие советские деятели. Замнарком земледелия Осинский на с'езде агрономов в марте 1922 г. категорически заявил: «раньше трех лет о вывозе продуктов земледелия и думать нечего. Мы должны ввозить и получить для этой цели заем». Авторы сборника «Экспортные возможности России, изд. Н. К. В. Т. 1922 г., полагают, что упадок сельскохозяйственной продукции так значителен, что в течении ряда лет не может быть и речи о возобновлении хлебного экспорта. Такого же взгляда придерживалась и «Экономическая Жизнь», в статье от 11 июня 1922 г.

Ясно, что для ударной кампании, для шумных реклам, для утверждений, что хлебный вывоз отныне станет одним из устоев советской экономики — нет никаких оснований. Заявление же Каменева, что «хлеб, нужный трудящемуся населению, не будет вывезен» — явно не соответствует

*) Данные отчета Комиссар. Земледел. за 1922 г.

существующей практике экспорта. Потребительский, не голодный баланс страны требует в сущности еще ввоза хлеба.

Если же Россия все же будет вывозить хлеб, то только в силу отсутствия покупательной способности у крестьян голодающих районов, за счет понижения их фактического потребления (ниже 10 пуд.!) и понуждается она к этому частновладельческим требованиям крестьян немногих урожайных губерний, у которых имеется товарный хлеб, и бедностью государственной кассы. Кроме того, может быть вывезено некоторое количество кормовых хлебов**) — ячмень, овес, просо (ранее составляли 35% — экспортир. хлеба). В общем, после учета всех обстоятельств, в том числе и транспортных, приходится сделать вывод, что экспорт будет очень мал. Каменев на с'езде Р. К. П. сообщил, что уже вывезено около 16 милл. пуд. хлеба. Мы полагаем, что до нового урожая удастся вывезти во всяком случае не больше 20—25 милл. пуд. хлеба.

Серьезные экономисты и агрономы полагают, что состояние сельского хозяйства сейчас в России таково, что в ближайшие годы не могут дать по всей стране чудодейственного урожая и создать солидный экспортный фонд. Сведения советской печати о целых районах, не могущих обсеменить свои поля, и районах, как раз ранее вывозивших хлеб, воззвания Помгола о помощи — подтверждают правильность этого вывода.

Конечно, вывоз даже небольшого количества хлеба несколько повысит производительность крестьянского хозяйства и постепенно увеличит его покупательную способность. Но, при ничтожности товарного хлебного фонда страны, вывоз быстро подымет хлебные цены и на внутреннем рынке и либо понизит реальную заработную плату городского рабочего, либо заставит государство еще увеличить ту субсидию, которую оно дает государственной, почти сплошь убыточной, промышленности. Кроме того, уменьшение закупки городских продуктов крестьянами об'ясняется не только дешевизной хлеба, но и несоразмерной дороговизной продуктов промышленности. Высокие цены на городские продукты об'ясняются пресловутыми «накладными расходами» и полной разрушенностью и дороговизною транспорта. Эта плата за бюрократизм, за громадные штаты, за бесхозяйственность обучающихся красных купцов, за неумение наладить производство.

Если одновременно с повышением цен на хлеб не будет оздоровлена промышленность, то не свершится не только знаменитая «смычка» с крестьянином, но промышленность Урала, Грозного или Донского бассейна снова приостановится из-за отсутствия или дороговизны хлеба, как это уже было в 1920 году. С'езд коммунистов утверждает, что экспорт хлеба предпринимается в интересах крестьян. Но интересы крестьян требуют, чтобы хлеб был умело и выгодно продан, чтобы накладные расходы были минимальны. Вся деятельность государственного аппарата отличается прямо противоположными качествами. И наиболее бюрократичен и неумел именно Внешторг, которому поручают руководить операцией экспорта хлеба.

Сбор хлеб и продажа его на заграничных рынках, за годы войны захваченных Соед. Шт., Канадой, Аргентиной, — задача исключительно-трудная, она требует опыта и гибкости. Первая операция — собрать хлеб в районные ссыпные пункты. Государственный орган, по плану Красина («как в Америке»!), выдает крестьянину часть стоимости ссыпанного зерна (40—50%), на остальную же часть выдает квитанцию, по которой будет проведен расчет лишь после окончания хлебной кампании.

После комбедов, после продовольственных отрядов, после разверстки — понесет ли русский мужик, при том заведомый кулак, Наркомпроду свой хлеб в кредит? При этом столько сложных вопросов, углубляющих годами сложившееся недоверие. По каким ценам будет совершаться расчет? По ценам дня сдачи, т. е. начала осени, когда хлеб дешев, или дня расчета, когда цены значительно выше? Какими деньгами будет произведена уплата—обесцененными советскими знаками или золотом, долларами или фунтами? Мужик упорно не верит той власти, которая так недавно отбирала у него хлеб и по сей день, по словам Красина, продолжает жить за счет ограбления крестьянина. Мужик настолько не верит, что, по словам Сталина, будто-бы переплачивает на 20% дороже (?) лавочнику, но не идет в советскую лавку. Мы думаем, что если покупка хлеба будет в руках лишь государственных органов, а не у свободной сельско-хозяйственной кооперации или умелого торговца, — крестьянин будет прятать свои излишки и продавать их тайком верным людям за наличные деньги.

**) Эти «кормовые» хлеба — русское население усиленно потребляло все последние годы.

Собранный хлеб нужно подвергнуть очистке, сортировке, сушке, хранению, упаковке и перевозке. Заграничный рынок, всегда относившийся недоверчиво к качеству русского зерна, за последние годы привык к высокосортному хлебу. Очистка необходима особенно теперь в виду того, что русский хлеб исключительно засорен из-за дурного семенного материала. Хлеб же, сдаваемый в порядке налога, будет, кроме того, искусственно засорен, как в свое время сдавались гнилые яйца, кислое молоко, слежавшаяся шерсть и т. д.

Имеются ли для этой операции зерноочистительные машины, линейные элеваторы? Красин сознает, что то ничтожное количество элеваторов, которое было в царское время, приведено в полную негодность. Нужны годы, чтобы их восстановить.

Ну, и придется либо везти хлеб с громадными затратами и промедлением в Самару, Ростов, Одессу, Николаев, где имеются крупные элеваторы, либо, что вероятнее, все же вывезти его засоренным на Запад, сбить этим себе самому цену и, вдобавок, компрометировать себя, как продавца.

Далее, каким транспортом доставить этот хлеб в порты и к границам? При том срочно, в сезонную пору. И, наконец, главный момент — продажа хлеба за границей. На аппарат торговых представительств выпадает задача вытеснить Соед. Штаты, Канаду из уже завоеванных рынков. Можно конкурировать качеством товара, умелостью аппарата и ценой.

Качеством конкурировать почти невозможно. Зерно после лет голода, больное, неполновесное и засоренное.

Умелостью и гибкостью торгового аппарата мы до сих пор что-то не отличались. «Эта торговля носит буквально молниеносный характер. Колебания цен совершаются на протяжении нескольких часов. Нет времени переписываться, совещаться» — говорит Красин. «Молниеносные сделки» «точность часового механизма» и ... Внешторг — не звучит ли это просто иронией! Внешторг, который по 8 мес. затрачивает на то, чтобы купить по телеграфу заказанные лекарства. Внешторг, в котором по два месяца лежат тысячи пудов льна, ошибочно посланные в Берлин, вместо Лондона. Внешторг, у которого месяцами откладываются срочные доклады, закупки, потому что вновь переезжают в новое помещение или вновь реорганизуют отделы.

Остается конкурировать только ценой. Продавать значительно дешевле мировых цен. Цены на хлеб внутреннего русского рынка на много дешевле мировых. Продажа с выгодой все же возможна. Но велики ли будут барыши НКВТ и доля русского крестьянина, после того, как учтут все накладные расходы? За сбор хлеба, за транспорт, за содержание аппаратов торгующего и контролирующего, за совершение операции, за легальное и нелегальное участие во всех этих операциях гонимого и всегда существующего комиссионера и т. д.

Ведь общеизвестно, что Внешторг за выдачу лицензии за торговую операцию, которую он не совершает, берет 15% комиссионных. Ведь, по сведениям официальных источников, аппарат, собирающий продналог, с'едает до 15% собранных ценностей.

Примирится ли крестьянин с таким дорогим комиссионером только во имя любезной сердцу коммуниста монополии внешней торговли? Мы убеждены, что нет.

Если операция хлебного экспорта будет совершаться по методу Красина, — она или не удастся, если крестьянин осмелится отказать в сдаче хлеба на первой стадии,

или, если его понудят угрозою или приманкою, то она вызовет сильнейшее недовольство, тогда, когда крестьянин за доверенный хлеб через долгие месяцы получит ничтожные и обесцененные гроши.

Совершить экспорт хлеба через неумелый громоздкий государственный аппарат — это значит не осуществлять примирение с крестьянином, а еще углублять его недовольство государством.

Внешторг уже сумел восстановить против монополии внешней торговли сотни трестов, теперь он восстановит против нея, а значит против основного кита коммунистической политики, тысячи крестьян.

Если хотеть действительно дать выход стремлению некоторой части зажиточного крестьянства выйти со своим хлебом на внешний рынок, то нужно дать ему возможность организоваться в независимые от государства сельскохозяйственные общества, нужно позволить выбирать в них тех, кому оно доверяет, нужно разрешить вступать в свободные переговоры с европейскими фирмами о продаже, о кредите. Смешно думать, что красинскими способами может быть создана смычка с крестьянством. Стремление перехитрить классы будет так же бито, как и попытка их обмануть.

Мы вновь должны повторить то, что говорили еще 3 года назад, когда сама идея политики мира с крестьянами считалась коммунистами контр-революционной. Получив землю, крестьянство желает такой экономич. политики, которая обеспечила бы ему свободу распоряжения своей продукцией, которая дала бы ему взамен производимого им хлеба дешевые сельско-хозяйств. орудия и другие городские изделия; оно желает такой внутренней политики, которая давала бы ему возможность принимать участие в общегосударственных делах, устанавливать налоги и самостоятельно решать свои местные дела, оно желает, наконец, такого государственного аппарата, который не притеснял бы его и был бы дешев и скор.

Удовлетворить эти требования — это значит разрешить вопрос о сближении демократии города и деревни. Но для этого нужно отказаться от самих себя, от диктатуры партии, от всех основ внутренней и внешней коммунистической политики.

А. Югов.

Легкомысленный акушер

(Окончание.)*)

IV.

Все сказанное выше не оставляет, думается, ни малейшего сомнения в том, что аргументация Мартынова в пользу его «новой веры» отличается поразительною легковесностью, об'ясняемою лишь чисто обывательским подходом к важнейшим вопросам, который, в свою очередь, об'ясняется полною оторванностью Мартынова от политической жизни. Мартынов-политик, Мартынов-партийный деятель никогда не мог бы с таким легкомыслием превратиться в восторженного певца коммунизма.

Но... точно-ли коммунизм воспевает Мартынов? Как будто — да. Мы, ведь, видели, как апологетически оценивает он политику большевиков, с какою изумительною приспособляемостью переваривает все вопиющие проявления большевистской диктатуры вплоть до кровавых оргий террора. И апологетика его не ограничивается областью большевистской политики. Она в равной мере распространяется и на большевистскую экономику.

Ее Мартынов оправдывает как нельзя более просто: меньшевики всегда говорили и писали, основываясь на известном историческом обобщении Энгельса: если с.-дая рабочая партия революционным путем возьмет в свои руки власть в нашей экономически отсталой стране, то она вынуждена будет осуществлять свою программу целиком, не считаясь с тем, что страна для этого еще не созрела». Да, но когда мы все это говорили и писали, то, вместе с Энгельсом, полагали, что задача социалдемократии именно поэтому не заключается в «захвате власти» в отсталой стране. Большевики-же, под прямым давлением Ленина, очень скоро после начала революции всю свою «линию» прикроили к скорейшему захвату власти во что бы то ни стало и шли к нему всеми правдами и неправдами, опираясь не столько на рабочий класс, сколько на разложившиеся тыловые гарнизоны, пуская без стеснения в ход то, что мы называем бесстыдной демагогией, а «не одержимый программным доктринерством» Мартынов — «действенным демократизмом».

Но Мартынов уверяет, будто «накануне октябрьской революции... «для всякого непредубежденного марксиста должно было быть ясно, что без перехода власти в руки революционной социал-демократии не удастся осуществить программу даже чисто буржуазной революции». 18 погромов отбили у Мартынова память. Иначе он помнил бы, что накануне, да и сейчас же после октябрьского переворота, не только ни у одного «непредубежденного марксиста» (со включением самого Мартынова), но даже и у подавляющего большинства большевиков, вплоть до таких «предубежденных», как Зиновьев, Каменев, Рыков, Ногин и пр., не было и мысли о неизбежности перехода всей власти в руки «революционной социалдемократии». Наоборот, убедившись, что Ленин, как говорится, вокруг пальца обвел их и лишь на словах провозглашал лозунг «вся власть советам!», на деле же вел и привел к захвату всей власти большевиками, названные члены его собственной партии публично об'явили, что такая политика ведет к гибели пролетариата и революции. Этот бунт на коленях был Лениным очень скоро подавлен, но он остается историческим фактом, свидетельствующим о странных аберрациях мартыновской памяти. Можно говорить, что ко времени октябрьского переворота значительное большинство «предубежденных» и «непредубежденных» марксистов пришло к мысли о необходимости создания, как тогда говорили, «однородного демократического правительства», т. е. коалиционного правительства из всех наличных «социалистических» партий. Но, думается, и Мартынов согласится, что это далеко не то же самое, что переход власти в руки «революционной социалдемократии», т. е. партии, желающей быть и остаться классовой организацией пролетариата, и только его. Вспомним, что еще на 1-м с'езде советов Троцкий вслух мечтал о правительстве из «двенадцати Пешехоновых»!

Таким образом, если бы экономическая политика большевиков и впрямь была исключительно навязанною обстоятельствами бедою их, то можно было бы с полным правом сказать, что беда эта обрушилась на них, главным образом, благодаря их собственной вине: ты этого хотел, Жорж Дандэн... И это сказалось очень характерно на самом содержании их экономической политики.

Придя революционным путем к власти, с.-д. рабочая партия вынуждена будет осуществлять свою программу целиком... Но свою-ли программу осуществляли большевики, придя к власти? Разве в их программе был «потребительский коммунизм», социализация земли, разгон Учредительного Собрания, уничтожение демократии и политической свободы? Кажется, нет. Кажется, это они, предвидя свой приход к власти, писали еще в 1905 году в своем центральном органе «Вперед», что отвергнут, как «бессознательную провокацию, всякую попытку навязать пролетариату невыполнимую при настоящих социально-экономических условиях задачу немедленного создания социалистического строя». Кажется, это они кричали, что переворот необходим именно во имя «обеспечения созыва Учредительного Собрания», и уже после переворота в своих первых декретах предоставляли именно этому собранию окончательное решение всех вопросов. И, кажется, именно они свои первые, робкие покушения на свободу печати конфузливо об'ясняли совершенно исключительным стечением обстоятельств, обещая, по миновании их, немедленно восстановить эту свободу в полной мере.

Следовательно, вопреки «известному историческому обобщению Энгельса», они, придя к власти, осуществляли

*) См. № 7 (53) «С. В.».

не свою программу, а какую-то чужую, мало имеющую общего с программой «социалдемократической рабочей партии», хотя бы и ее большевистского крыла. Что же это значит? Это значит, что власть не была им навязана исторически злосчастным стечением обстоятельств, как классовой партии пролетариата, а что они захватили власть, демагогически используя силы, ничего общего с рабочим классом не имеющие. Потому и случилось с ними то, что в другом — тоже известном! — «историческом обобщении» Энгельс говорит о преждевременно ставшем во главе власти вожде: «Он будет вынужден отстаивать не свою собственную партию, не свой собственный класс, а тот класс, для господства, которого уже созрело движение. Он должен будет в интересах именно этого движения отстаивать интересы чуждого ему класса и отделываться от своего класса фразами, обещаниями и уверениями в том, что интересы другого класса являются его собственными». Разве это — не точная фотография того, что случилось с большевиками?

Однако, помимо «беды», накликанной ими на самих себя, большевики — и в области «экономики» — внесли много «своего» в процесс вынужденного выполнения воли тех социальных сил, на которые они опирались в борьбе за власть. Это «свое» заключалось в доктринерском «обобщении» неказистой практики; в «теоретическом» обосновании ее якобы с пролетарско-классовой точки зрения; в создании целой системы иллюзий, старательно поддерживаемых заинтересованной бюрократией и побуждавших их итти по навязанному им пути гораздо дальше и прямолинейнее, чем то требовалось обстоятельствами, цепляться за явно вредные и разрушительные меры тогда, когда все об'ективные основания для этих мер давно исчезли, доводить каждый нелепый шаг «до логического конца» и давать простор безудержному прожектерству — все во имя будто бы немедленного «построения социалистического общества». Мартынов думает, что счастливое исключение составляют «области продовольственная и военная», где дескать «творилось великое, первоочередное дело спасения главных сил революции — рабочей силы и красной армии». Его бы устами да мед пить! Но от такого компетентного свидетеля, как Троцкий, мы узнали в марте 1921 г., что разрушившая сельское хозяйство продразверстка вовсе не нужна была красной армии, что еще «год тому назад» можно было и должно было сделать «уступки экономического характера», и что «своим промедлением мы удвоили и утроили нынешние затруднения».

Вот это «удвоение и утроение» разрушительных последствий после-октябрьской «экономики», да еще возведенное в «теорию», в особый «коммунистический» принцип хозяйственного строительства, мотивирующий и оправдывающий режим свирепого террора, — это уж, кажется, есть несомненная вина большевиков, и притом вина, принесшая неисчислимый вред не только русскому рабочему классу и русской революции, но и всему международному социализму. И этой вины «прозревший» Мартынов не видит.

Если бы из всех злоключений большевизма Мартынов сделал вывод, что — вина-ли, беда-ли — но раз революционный пролетарский отряд попал в столь пиковое положение, то задача социалдемократии заключается не в отрезании ему путей отступления и не в злорадном ожидании катастрофы, а в том, чтобы помочь такому отряду выпутаться из сетей, в которые он попал, с наименьшим уроном для интересов хозяйственного и культурного развития страны, для интересов рабочего класса и социализма, — то спорить нам было бы не о чем. Наша партия, как известно, такой именно вывод и сделала, — и не ее вина, если старания ее оказались безуспешны. Но Мартынову этого мало. Неофит большевизма, он занимается столь неумеренной апологетикой, с таким усердием молится задним числом богу «военного коммунизма», что сотрудник «Правды», для которого, в силу партийных директив, этот «бог» давно уже стал «идолищем поганым», считает нужным одернуть усердного богомольца: «В этих соображениях о старой экономической политике советской власти, как нам кажется, не учтены автором наши расчеты на международную революцию». Иными словами: беда-то, беда, но и наших собственных «глупостей» забывать не надо! Разве не товарищ Ленин уже сотни раз напоминал об этом в назидание «левым ребятам»?

V.

Запоздалая мартыновская апология коммунизма не должна, однако, вводить нас в заблуждение. «Пафос» его— не в героическом периоде боевого и верившего в себя коммунизма: ведь, он боялся даже, что, благодаря этому коммунизму, будет «поздно» спасать революцию! Нет! «Молния прорезала» для него «черные тучи» лишь тогда, когда Ленин возвестил отступление (так и озаглавлена Мартыновым эта лирическая глава). Он — певец не коммунизма, а коммунистического термидора, и младенец, для рождения которого он предлагает меньшевикам свои добрые акушерские услуги, должен воспринять святое крещение не во имя правоверного коммунизма, а во имя — коммунистического нэп'а.

Правда, Мартынов подбадривает себя и других «верой» в то, что дальнейшего отступления не будет. Всякие «сомнения и опасения» на этот счет у него окончательно исчезли весной 1922 года, когда он «прочитал авторитетное заявление Ленина на XI с'езде Р. К. П., что отступление кончено», и увидел, «как держалась наша делегация на генуэзской конференции». Он достаточно мудр, чтобы не строить такого заключения на основании одного лишь «официальнаго заявления» и одной «дипломатической ноты». Но «два чрезвычайно важных обстоятельства сделали несокрушимой его «уверенность», что отступлению, действительно, пришел конец. Это, во-первых, то, что, «сохранив в качестве заручки для продвижения к социализму национализацию крупной промышленности», советская власть «открыла опять простор для развития мелкого крестьянского хозяйства». Это, во-вторых, то, что благодаря наличию красной армии, советская власть отвоевала себе уже на международной арене «срок», в течение которого крестьянин может «убедиться на практике в преимуществах социалистической власти над буржуазной». А в конце концов: «если я весной 1922 г. поверил заявлению, что мы на экономическом фронте больше отступать не будем.... то эту веру я черпал из сознания, что наша красная армия с ее пролетарским, коммунистическим ядром жива», — что доказывается лично виденною Мартыновым лихостью и храбростью «военкома Януляниса» и «начальника особого отдела какой то части Ивана Ивановича Кальнина».

Святая простота всей этой «аргументации», (а мы привели ее целиком) столь очевидна, что вряд-ли стоит останавливаться на ней. Факты (а ведь, факты — «упрямая вещь»!) достаточно громко говорят о том, как с весны 1922 отступление «окончилось». И нужна была большая потребность в «возвышающем обмане», чтобы Мартынов мог с серьезно-благоговейным видом расписывать всю эту беллетристику, которая и у его новых друзей способна вызвать лишь покровительственную улыбку. По человечеству мы эту потребность у певца нэп'а вполне понимаем. Но только вот зачем Мартынов так быстро заражается нравами литературных спекулянтов от коммунизма и считает нужным в первом же публичном выступлении своем «лягнуть» меньшевиков, уверяя, будто они провозглашают — «назад к капитализму!» Не лучше-ли было бы с такими «приемами полемики» несколько повременить?

Однако, беллетристика беллетристикой, но факт таков, что Мартынов, разинув рот от восхищения, смотрит на нэп. Факт таков, что надежды на благополучное с революционной точки зрения завершение отступления он возлагает не на самодеятельность и организованность трудящихся, а на армию, на диктаторскую власть, на террористические приемы управления, на подавление всякой политической свободы: ведь «упразднение свободы печати и свободы слова» он не только оправдывает для прошлого периода гражданской войны, но категорически требует его и на весь период нэп'а — вплоть до того времени, когда крестьяне «на практике» убедятся в «преимуществах социализма». Ибо, в самом деле, «как может советская власть допустить, чтобы интеллигенция начала со всех крыш кричать по адресу правительства: никогда

не справиться вам с национализированной промышленностью»? Как может она терпеть, чтобы эта «бесхарактерная интеллигенция каждый день пророчествовала: через месяц, через два советская власть сдаст в концессию или аренду прежним капиталистам все фабрики и заводы»? «Свобода печати есть великая ценность», торжественно вещает Мартынов, подразумевая — когда она ничем не огорчает правительства и «каждый день» докладывает: все обстоит благополучно!

Другой недавний меньшевик, профессор Н. Рожков, одновременно с Мартыновым произнесший над социалдемократией, по компетентному свидетельству Стеклова, «приговор суровый, но справедливый», досказывает мысль Мартынова до конца*): «Необходимо проделать органическую работу, составляющую положительное содержание реакции, и отбросить, предотвратить безумный разгул безоговорочной чистой реакции. Этот опыт может проделать только советская власть со своей диктатурой. Демократическая республика при данных условиях бессильна справиться с этой задачей». Здесь перед нами в чистом виде психология обывателя-интеллигента, напуганного изнанкой революции до потери самообладания, не только растерявшего в бурях гражданской войны веру в самостоятельное, классовое движение пролетариата и трудящихся масс деревни, но прямо боящегося этих масс и ищущего от них спасения под крылом «сильной власти», — та самая психология, которая после революции 1905 года заставляла «вехистских» предтеч сменяющих ныне вехи Мартыновых и Рожковых благословлять штыки, ограждающие их от «ярости народной».

Пролетариат не может, разумеется, встать на эту точку зрения. Ведь, вот, каких чудес ни насмотрелся Мартынов, «живя на Украине», — вплоть до «искреннего примирения» крестьян с советской властью, а «полного перелома настроения у рабочих» так и «не дождался». Думаем, что не дождется», и живя в Москве. Ибо в той борьбе за подведение итогов революции, которая составляет содержание нынешнего периода «отступления», пролетариат не может встать против самого себя на сторону «устроившихся революционеров», новых богачей, милитаристов, чрезвычайников, бюрократов, — всех этих барышников революции, которым «диктатура» нужна для закрепления их привилегированного положения, которые отделываются от рабочего класса «фразами, обещаниями и уверениями» в том, что именно их интересы и «являются его собственными», и на сторону которых становится — конечно, по недоразумению! — заеденный 4-летней обывательщиной и 18 погромами Мартынов.

Социалдемократия во всяком случае останется с рабочим классом. Пусть Мартынов не трудится поэтому предлагать ей свои акушерские услуги. Она ими не воспользуется, тем более, что печальный опыт самого Мартынова, выкинувшего такого отвратительного уродца, внушает мало доверия к его нынешней компетентности в области пролетарского родовспоможения. Он обещает, правда, во «второй части» подготовляемой им книги «переоценить весь наш старый спор между меньшевизмом и большевизмом» «в свете октябрьской революции». Подождем результатов этой «переоценки» и пожалеем, что Мартынов не подождал их. Мы не теряем еще надежды, что, попытавшись свести концы с концами, он и сам пожалеет о своем легкомысленном выступлении, когда увидит, в какое болото он залез, в какой компании очутился и какому строю поет «осанна»! По своему прошлому Мартынов заслуживает лучшей участи, чем роль придворного пиита при Его Величестве нэп'е!

Ф. Дан.

---

*) Скромные размеры нашего журнала не дают нам возможности разобрать подробно статью Рожкова. Во всяком случае уход его из рядов социал-демократии не имеет того значения, как уход Мартынова: выходец из большевистской партии, членом Ц. К-та которой он был ряд лет, он лишь сравнительно недавно (с 1917 года) пришел в нашу партию. К тому же, как профессор (тоже «известное историческое обобщение Энгельса»!), он всегда был чреват всякими неожиданностями!

О путях большевистского профдвижения

Что представляют из себя нынешние большевистские профсоюзы? — Встречаются различные оценки того этапа, которого достигла «эволюция» этих органов. Определенный вывод в этом вопросе можно сделать лишь на основании известной экскурсии в ближайшее прошлое, к исходному пункту рассматриваемого развития. Итак, бросим беглый взгляд на это прошлое.

Если проследить цепь внешних изменений самой официальной идеологии, увидим дистанцию огромного размера...

До конца 1920 года господствовала идеология, которая сейчас представляется все больше архивным материалом. Это — идеология производственных задач профсоюзов, как государственных органов. I с'езд профсоюзов, состоявшийся в январе 1918 года, провозгласил, что «центр тяжести работы профсоюзов должен быть перенесен в область организационно-хозяйственную». II с'езд (январь 1919 года) также называет профсоюзы «организаторами производства». Понимая окончательное слияние союзов с государством, как «процесс», этот с'езд в то же время заявляет, что «заканчивающийся в настоящее время процесс овладевания рабочим государством фабрично-заводской промышленностью передает проф'единениям в специальных отраслях их деятельности все более руководящую роль»; «коллегии (составляются) преимущественно из представителей профсоюзов». В этот период «производственная» идеология не оставляла места ни «самодеятельности», ни задаче «защиты интересов рабочих». Еще в конце 1920 года даже Рязанов заявлял: «Задача борьбы с капиталом совершенно отпадает в эпоху диктатуры пролетариата, отпадает потому, что задача обороны рабочего класса против капиталистов выпадает также на долю органов диктатуры пролетариата». В 1920 году теория «огосударствления» имеет еще все права гражданства. Если и критикуется «военная» поспешность мер «перетряхивания» союзов, предлагаемых Троцким, то, с другой стороны, нет еще больших сомнений в вопросе взаимоотношений государства и профсоюзов. IX с'езд РКП (1920 г.) формулирует задачи профсоюзов, как лежащие, «главным образом, в области организационно-хозяйственной и воспитательной». «Эти задачи профсоюзы — говорится в резолюции с'езда — должны выполнить не в качестве самодовлеющей организационно-изолированной силы, а в качестве одного из аппаратов советского государства, руководимого компартией». Дальнейшая перспектива рисуется в этой резолюции, как «постепенное превращение союзов в вспомогательные органы пролетарского государства, а не наоборот». И во время известной дискуссии о профсоюзах, ознаменовавшей кризис не только большевистских профсоюзов, но и всей политической системы, даже «среднее» течение Ленина и др. стояло на той точке зрения, что «в советском государстве государственные функции профсоюзов постепенно будут увеличиваться».

5 всерос. конференция профсоюзов (ноябрь 1920 г.) в своих резолюциях говорит о «непосредственном участии в организации производства», о «все большем расширении роли профсоюзов в производстве» и т. д. И, наконец, опубликованная 7 декабря 1920 года руководящая резолюция Ц. К. РКП по профдвижению определенно заявляет: «партия обязана всеми мерами поддерживать и воспитывать новый тип профессионалиста, энергичного, инициативного хозяйственника, смотрящего на экономическую жизнь не с точки зрения распределения и потребления, а с точки зрения роста производства, не глазами требующего и договаривающегося с советской властью, а глазами организатора-хозяина». Резолюция далее резко критикует попытки «держать себя несколько «независимо» от пролетарской власти», встречающиеся со стороны некоторых большевистских профессионалистов. «Нужно рассеять эту экономическую метафизику... Отныне нет профессионального союза, а есть союз производственный». В эти же дни из «хозяйственных» кругов раздается авторитетный голос, провозглашающий следующее положение: «по существу союз может быть производственным лишь при одном условии: если он будет существовать для производства» (Экон. Жизнь, № 288, 1920 г., статья Крумина).

При всей определенности этих официальных высказываний все же именно 1920 год нужно признать годом первых проявлений поворота политики профдвижения. Было бы очень интересно проследить более подробно, как началось исподволь это новое давление, постепенно, под влиянием потребностей экономической жизни, разрушившее старую идеологию и старую практику. Давление это началось из среды

«хозяйственников». Именно для них раньше всего стало ясным факт неспособности «профсоюзов» овладеть производством, факт стихийного краха коммунистического опыта. Отвести поскорее от государственной хозяйственной машины эти путающиеся бессильные руки — эта задача все неотступнее заявляла о себе и последовательно, с известного момента, начала изменять до сих пор, казалось бы, незыблемую идеологию.

На упомянутом выше IX с'езде РКП (1920 г.), при сохранении еще общих начал «производственной» и «государственной» позиции, выдвигается впервые теория *«единоличия»* в управлении. Это был первый шаг в работе по отводу профсоюзов от «производственных» задач. Затем, там же *впервые* провозглашается *запрещение* завкому «вмешиваться *непосредственно* в область управления предприятием», и Бухарин доказывает необходимость для заводоуправлений принцип выборности заменить «принципом подбора»... Не пытаясь пока произвести решительную реформу в области идеологии «профдвижения», «с'езд дал в области практической первый толчок... Этот толчок получил свое отражение в ближайший период. Усиливается критика профсоюзов, «профессионалисты» же пытаются защитить свои подмываемые позиции. На III с'езде профсоюзов, состоявшемся после IX с'езде РКП, Томский старательно доказывает, что «профсоюзы являются организациями, *несомненно компетентными* и кровно заинтересованными в деле восстановления производства страны». Декларативная часть резолюции с'езда остается старой, «производственного» содержания... Но в резолюции уже новые моменты: в порядке подчинения решениям парт. с'езда там говорится и о «приближении» «к единоличию» (при спеце еще ставится *комиссар из рабочих*), и о «невмешательстве». Списки кандидатов в управления утверждаются уже ВСНХ (!). Интересно также то, что на 3-м с'езде впервые прозвучала печальная жалоба на *«слабость»* союзов, заменившая торжествующую казенную песнь предыдущих с'ездов. Несколько голосов что-то пролепетали о необходимости «сознательного отношения масс» к союзу. Все эти новые нотки со своей стороны подчеркивают изменяющуюся ситуацию. В то же время нападение другой части РКП на профсоюзы становится очень решительным: этот артиллерийский обстрел расчищает путь к дальнейшему освобождению хозяйства от «влияния» профсоюзов. В. *Касснор* в «Правде» (№ 295, 1920 г.) пишет: «Беспомощность, консервативность в профсоюзах ярко бросаются в глаза... Три года работы руководящего органа ВЦСПС — три года полной бездеятельности в хозяйственном отношении». *«Очень дорого стоющие советской власти (!)* и сложные по своим штатам и аппаратам союзные организации застыли на мертвом месте»... Характерно, что выступающий в «Экон. Жизни» с такой же резкой критикой Крумин особенный грех профсоюзов видит в том, что они «занимались и занимаются удовлетворением повседневных нужд своих членов, посредничеством между рабочим государством и пролетарскими массами»(немного времени спустя именно это будет об'явлено задачей ком. профсоюзов). Общее переломное состояние профсоюзной политики ведет к известному усилению «рабочей оппозиции», и ее представитель Кузнецов на всеукраинской конференции КПУ в ноябре 1920 г. заявляет: «Рабочая оппозиция существует потому, что пролетариат в лице широких масс оторван от управления страной».

К этому же периоду относится пикантное заявление Томского на одном дискуссионном собрании: «В 20-м году мы к *своему удивлению* увидали, что массы совершенно не участвуют в организации управления производством». Стихийный отход профсоюзов от действительного участия в управлении промышленностью, вызванный об'ективным состоянием и рабочего класса и самих коммунистических профсоюзов, шел навстречу целям тех, кто стремился к окончательному «освобождению» промышленности от «пережитков» военного коммунизма.

Дискуссия о профсоюзах, вызвав полный идейный сумбур в коммунистических кругах, кончается принятием тезисов Ленина, временно замазавших всю остроту поднятого вопроса.

Наступает нэп. В мае 1921 года собирается 4-ый всероссийский с'езд профсоюзов. На этом с'езде, как известно, происходит резкое столкновение, в результате которого Томский получает ссылку в Туркестан. Только личное влияние Ленина сковывает разбушевавшиеся страсти. 4-ый с'езд уже производит смену прежней «производственной» идеологии. Делается, правда, это осторожно, но эволюция уже идет обратно в русле общих положений профсоюзной политики. Провозглашается новая задача — «улучшение быта рабочих». О «производстве» говорится скромно в конце резолюции. Союзы уже не «организаторы производства»: они, согласно тезисам Лозовского, являются «базисом диктатуры пролетариата и органами экономич. самодеятельности пролетариата в общегосударственном масштабе». По новой теории, в руках союзов остается «аппарат государственного регулирования зарплаты, условий охраны труда и снабжения рабочих» (через полгода все это будет отнято у профсоюзов). Так или иначе IV-ый с'езд открывает ликвидацию прежней позиции.

Начинается период, в котором уже без идеологических помех продолжается работа обеспечения хозяйственного самодержавия на местах. На октябрьском пленуме ВЦСПС делегаты жалуются на «оттеснение профсоюзов», и член ВЦСПС Андреев кого-то убеждает, что у профсоюзов производственные задачи все же «должны быть оставлены».

Наконец, в январе 1922 г. появляется так резко ударившая по бедным коммунистическим головам известная резолюция Ц. К. РКП, открывшая эру «новой» профполитики. В ней положение союзов, как «органов советской власти», уже явно подрывалось, и элементы еретической «самостоятельности» вошли в новую официальную идеологию. Резолюцией союзы ставились в то положение «договаривающейся» стороны, которое разоблачалось недавно, как худший грех против коммунизма. Не лишне вспомнить здесь, что все эти определяющие повороты делались под давлением коммунистов, занятых на хозяйственной работе, против «профессионалистов». Эта будущая группа «хозяйственников» не только требовала единовластия и невмешательства профсоюзов в хозяйственную работу, но и изменения тарифной политики повышения заработной платы в период перед нэпом, в чем она встречала противодействие тех же профессионалистов...

V с'езд профсоюзов подтвердил «новую политику». Итак, путь от рабочего контроля к максимальному «невмешательству», от «огосударствления» к «самостоятельности» был пройден. Мы проследили этот путь в смысле внешнего изменения идеологии.

Но как изменилось фактическое положение большевистских профсоюзов? — Несомненно они перестали быть органами прямого проведения воли государства; несомненно, совершенно ничтожными стали размеры их влияния на хоз. работу, на управление производством. В советской действительности место их *передвинулось*. Они стали органами, поставленными в положение, при котором они испытывают более других давление массовых интересов — и *формально* они получили ранее запретную функцию представительства этих интересов... Они перестали быть органами государственной власти в прямом смысле этого слова. Но стали ли они *самостоятельными*? — Конечно, нет. Коммунистическая идеология на нынешнем ее этапе позволяет союзам «договариваться», быть стороной, но не позволяет бороться. Классовые противоречия признаются только в сфере частной промышленности. В государственной — классовой борьбы нет, и интересы хозяйства «рабочего» государства должны быть для большевистских союзов определяющими.

И нынешняя линия союзов, наряду с декламацией о самодеятельности масс, наряду с высочайше дозволенной игрой в борьбу за «копейку» против хозяйственников, наряду с обслуживанием в известных пределах повседневных интересов рабочих (эта формально установленная «новая» функция дает, конечно, и известную практику), — заключается в стремлении подавить рабочее движение, спасти хозяйство от стачек и *не дать движению перейти в широкие и сознательные формы*.

V-ый с'езд профсоюзов (1922 г.) заявляет о «непригодности в данных условиях стачки, как метода разрешения конфликтов, возникающих на почве защиты союзами экономических интересов своих членов». V-ый с'езд металлистов говорит определенно: «На государственных предприятиях не может быть места классовой борьбе, а может лишь итти речь о борьбе с ошибками и неправильными действиями отд. администраторов. Отсюда задачей союзов при возникновении стачки на госпредприятии является и скорейшая ликвидация путем устранения причин, ее вызвавших». Известно, что все стачечное движение идет мимо союзов. И журнал «Металлист» (№ 5, 1922 г.) дает классическую формулировку «боевых задач союза: «Союзные органы на местах всегда должны быть активны и *на чеку*. Больше всего союзы должны опасаться того, чтобы *не прозевать* нарастающего, на почве конкретных требований движения масс». В этом лозунге «не зевай» прекрасно отразились и оторванность союзов от массы, и их враждебное положение в отношении к рабочему движению.

Тот же «Металлист» очень пространно поучает, как бороться со стачками, требует «ясной линии»: «В стачке, помимо союза возникающей, союз должен отказаться участвовать». На местах все эти директивы претворяются в совершенно обнаженную практику.

Если оставаться в плоскости формального изменения идеологии, мы увидим, конечно, дистанцию огромного раз-

мера, пройденную за эти годы большевистскими союзами. Что значит одно провозглашение защиты экономических интересов рабочей массы, как главной функции союзов! Все более освобождаемые от «производственных» задач (и «хозяйственники» продолжают напор в этом направлении), союзы получили в свои руки задачи, от которых они отвыкли за предыдущие годы. Не подлежит сомнению, что сама перестановка союзных задач и формальное провозглашение их новых функций должны были повести к известному изменению состояния этих органов. Очень важно определить существо и пределы этого изменения. Мы указывали уже, что союзы перестали быть органами прямого проведения государственной воли. Занявшись согласно новому приказу «повседневными нуждами» массы, они должны были естественно постараться стать ближе к массе, изменить некоторые свои методы, усилить внешнюю сторону демократизма, участить собрания и конференции; поставленные в положение «стороны», большевистские профессионалисты естественно начали практиковать и новую аргументацию (от «массы») и иногда резкую вражду против другой стороны. В своем положении большевистские союзы не могли не отразить разрастающихся в самой жизни противоречий. Они среди сети советских органов оказались в таком пункте, который должен наиболее сильно испытывать давление этих противоречий. Это обстоятельство определяет их своеобразную функцию «лавирования». Это обстоятельство, делая их наиболее близкими из всех советских органов к жизни массы, в то же время наиболее резко их сталкивает с той же массой. В этом смысле характерно, что союзы продолжали усиливать террор, и именно теперь уничтожены ими последние остатки самодеятельности и свободы, и в жизни массы установлен дикий деспотический порядок.

Не имея «государственных» функций, союзы должны «заниматься» массой, и это меняет их физиономию, иногда психику, подчас идеологию. Мы можем констатировать, что развитие большевистских союзов переведено на новый путь, чреватый более быстрым темпом дальнейших изменений и ростом дальнейших противоречий. Но, продолжая быть органами диктатуры РКП (со всеми моментами ее вырождения и разложения), и отражая интересы этой диктатуры, они не могут стать демократическими организациями — и в отношении к рабочей массе и рабочему движению неизбежно играют роль худшей зубатовщины и мелкотравчатого копеечного экономизма. Они — организации, не стоящие на почве классовой борьбы, отрицающие ее. Они в этом смысле в Сов. России играют роль, до некоторой степени аналогичную желтым, национал-социалистическим, фашистским рабочим организациям в Европе (к этому, конечно, нужно прибавить террор, проводником которого они являются). Они стремятся привить сознанию рабочих «экономическую метафизику» об отсутствии классовых противоречий в Сов. России, стремятся об'ективно в угоду интересам формирующегося капитализма скрутить классовое движение, сократить и его опасную сознательность, и его достижения, и распылить его через «законные» ходатайства своих канцелярий. Переведением на «новое» положение большевистские союзы играют в классово-экономическом отношении яркую реакционную роль. И в этом в данный момент предел всем их «прогрессивным» изменениям. Они перестали быть органами государственной власти, они получили место в гуще новых противоречий, они переменили свои функции, но, связанные диктатурой РКП, они не перестали быть орудиями террора и естественно стали «рабочими» организациями, преследующими зубатовские национал-реформистские, действительно, социал-предательские цели. Вместе с тем увеличивается неудержимо вся сумма сомнений и драматических противоречий, связанных с этой новой позицией. Сегодня она имеет еще перед собой стену диктатуры и неразрешенных вопросов ее быта.

Констатируя происшедшие изменения в положении и состоянии большевистских профсоюзов, не будем делать ошибки и преувеличивать силу и быстроту «перерождения». Процесс, конечно, идет, достиг важного этапа, но идет среди больших препятствий, болезненными изгибами. Большевистские союзы подходят к своему «реформистскому» тупику. Какая жестокая ирония истории! Разоблачая всю реакционность их нынешней роли, будем раскрывать рабочей массе глаза на все этапы их развития и внимательно следить за дальнейшими шагами этого процесса.

Профессионалист не у дел.

Траурная страница

Памяти Ю. Мартова

Голос русских работников.

В только что вышедшем № 4 «Социал-Демократа», органа Бюро ЦК, в горячей статье, посвященной кончине тов. Мартова, говорится между прочим: «Сквозь всю свою жизнь он пронес ту чистоту и искренность чувства преданности делу пролетариата и революции, которые были в душах первого поколения социал-демократии. Всю свою жизнь он пылал неудачной ненавистью к насилию, и перо его было бичем деспотизма и произвола. Несгибаемый стоял он на своем посту борца за освобождение пролетариата — и каждый шаг, явно или скрыто направленный против рабочего класса и революции, встречал его меткий удар. Его мысль работала с неутихающей энергией; острая и чуткая, она намечала пути борьбы российской социал-демократии.

Большевики говорят: он был нашим врагом. Да, он был врагом вашего террора, вашего азиатского деспотизма. Но еще большим врагом был он для деспотизма господствующих классов, для капиталистической реакции. И всегда он был глашатаем порывов пролетариата к свободе и победе, и его пламенное слово до конца сохранило в себе юность революционной страсти первых героических отрядов российского пролетариата...

...Над дорогой могилой социал-демократические рабочие произнесут обет верности тем заветам, той преданности пролетариату и социализму, той революционной стойкости, олицетворением которых был Юлий Осипович Мартов.

От всех нас, из русского подполья, из русских тюрем и ссылки — последний скорбный привет тебе, уснувший друг и вождь... С неумирающей памятью о тебе мы продолжаем борьбу, которой ты отдал всю свою жизнь.

* * *

Бюро Ц. К. предполагает в ближайшее время выпустить специальный номер «Социал-Демократа» или сборник, посвященный памяти Юлия Осиповича.

От ссыльных с.-д. Н... губернии.

Потрясенные известием о смерти Юлия Осиповича, шлем свой скорбный привет Ц. К. партии и редакции «С. В».

Рабочий класс и социал-демократия понесли громадную невознаградимую утрату. Наше движение будет тяжело переживать отсутствие в своей среде крупнейшего и авторитетнейшего нашего политического вождя, большого, яркого и светлого человека, каким был т. Мартов. Его память русская социал-демократия должна свято чтить. Но у могилы Ю. О., следуя его традициям, мы должны прежде всего думать о том деле, которому Ю. О. отдал всю свою сознательную жизнь. Мы должны сплотить свои ряды вокруг знамени революционной социал-демократии, усилить свою партийно-политическую работу, борясь за социализм и демократию, закладывая фундамент и создавая элементы будущего сознательного классового движения российского пролетариата. Это будет лучшим венком на могилу Ю. О.

Вечная память нашему дорогому т. Мартову.

Да здравствует русское рабочее движение! Да здравствует социализм!

Следуют подписи.

От пленников Г. П. У.

Прорывая тюремные рогатки, заключенные в казематах Г. П. У. из разных мест шлют нашей партии выражения горячего сочувствия и скорби по поводу смерти незабвенного Ю. О. Мартова. Оберегая жертвы террора от мстительной расправы палачей, мы воздерживаемся от печатания этих, особенно дорогих нам весточек братского участия в нашем горе.

В Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. и ред. «Соц. Вестн.».

Дорогие товарищи!

Как удар молнии, поразила нас весть о смерти дорогого и любимого учителя, нашего Юлия Осиповича. Сознательный еврейский пролетариат, руководимый «Бундом», всегда чутко прислушивался к голосу этого замечательного, величайшего вождя российского пролетариата. Одна мысль о том, что во главе Р. С.-Д. Р. П. стоит Юлий Осипович, вселяла бодрость и веру в сердца борцов за рабочее дело, укрепляла уверенность, что наш российский социал-демократический корабль не свернет с правильного пути даже в самые тяжелые поворотные пункты истории. Еврейский социалистический пролетариат будет свято чтить заветы т. Мартова, которые всегда были заветами революционного марксизма, будет дальше итти его дорогой. Память о великом борце будет ярко гореть

в наших сердцах, будет сплачивать наши ряды, будет освещать наш тяжелый тернистый путь.

Центральный Комитет «Бунда».

От Об'ед. Евр. Соц. Р. П.

Центральное Бюро и Московская Организация Об'единенной Еврейской Социалистической Рабочей Партии выражают глубокую скорбь по поводу невознаградимой утраты, понесенной российским и международным пролетариатом в лице скончавшегося тов. Мартова. Рабочий класс России потерял со смертью тов. Мартова в момент глубокого кризиса русской революции своего авторитетнейшего и испытаннейшего вождя, мировое социалистическое движение лишилось одного из самых талантливых и самых преданных делу рабочего класса идеологов революционного марксизма.

Смерть тов. Мартова в ссылке, в эмиграции ярко символизирует великую трагедию русской революции, тупик противоречий, в который она вошла благодаря режиму бессмысленного террора большевистских диктаторов.

Центр. Бюро и Моск. Организация Об'единенной Еврейской Социалистической Рабочей Партии.

Письмо с выражением соболезнования получено от тов. Н. Чхеидзе.

Собрание памяти Мартова и Медема.

В Париже XIV-ая секция франц. социалистической партии устроила 26 апреля собрание, посвященное памяти Л. Мартова и В. Медема. Прочтенная на собрании брошюра Л. Мартова (на франц. языке) «Долой смертную казнь!» произвела исключительно сильное впечатление.

10 мая состоится собрание, организуемое парижской группой содействия Р. С.-Д. Р. П. Предполагаются выступления Лонге, Грумбаха, Поль Фора и Брака.

Центральный Комитет Р. С.-Д. Р. П. постановил открыть подписку в специальный фонд издания литературных произведений Л. Мартова.

К смерти С. Л. Вайнштейна

Смерть и похороны С. Л. Вайнштейна.

Еще в пятницу, 27-го апреля, в берлинском с.-д. клубе был назначен долгожданный доклад С. Л. Вайнштейна о современном положении в России. Но накануне вечером он заболел, а через три дня, в ночь на 30 апреля, неожиданно для близких и друзей С. Л. скончался. С ранняго утра 30 апреля собрались партийные товарищи на квартиру его и в час дня многочисленная группа с.-д. присутствовала на выносе тела покойного и сопровождала его в крематорий.

3 мая в 7½ час. веч. вся берлинская с.-д. колония и многие знакомые и друзья С. Л. собрались в зале крематория, чтобы отдать последний долг безвременно почившему политическому деятелю. Черный стальной гроб, окутанный красным знаменем, убранный цветами и венками. Среди венков — венок от Центральных Комитетов Р. С.-Д. Р. П. и Бунда, от грузинской социал-демократии, от русского с.-д. клуба в Берлине, от редакции «Зари», от И. Г. Церетели, от группы любящих друзей. После траурного марша, исполненного оркестром, серию речей памяти С. Л. Вайнштейна открыл от имени Центр. Комитета с.-д. партии Ф. И. Дан.

Т. Дан посвятил свою речь памяти С. Л., как выдающегося деятеля социал-демократии и как любимого интимного друга. — Еще недавно мы стояли над гробом нашего вождя, и в наших ушах звучат слова, сказанные С. Л. в память Ю. О. Ему было всего 44 года. Но за плечами его стояла гора борьбы и гора неимоверных страданий. С конца 90-х годов всюду, на передовых постах оставался С. Л. в борьбе за демократию и социализм. Он испытал 7—8 тюремных заключений, 4 ссылки и 3 года каторги. Но всю свою работу и свои страдания С. Л. перенес с улыбкой. Он жил и умер с улыбкой. И мы знаем, что в этой безвременной смерти виновны преследования, которые обрушило на него правительство, называющее себя рабочим: ссылка, тюрьма, изгнание. Что же нам остается теперь над этой свежей могилой? — закончил т. Дан. — Нам надо только крепче подать друг другу руки, тесней сплотить свои ряды и поклясться до конца продолжать ту борьбу, которой посвятил покойный всю свою жизнь.

От имени Социал-демократической Партии Германии и Международного Об'единения рабочих партий (Венского Интернационала) выступает т. А. Криспин. Товарищ скорбит о смерти, постигшей т. Вайнштейна на чужбине, вдали от рабочих масс, которым он служил и вспоминает о встрече с С. Л. в Москве в дни неимоверного гнета и террора. Тогда я мог оценить его, как человека и истинного социалиста, непоколебимого в своей вере в социализм, в своей борьбе за лучшее будущее человечества. Горе товарищей и близких понятно нам. Но, быть может, хоть малым утешением послужит и та горячая благодарность, которую мы приносим к этому гробу от имени миллионов рабочих, за которых страдал и боролся покойный.

Р. Абрамович выступает от имени Центрального Комитета и заграничной делегации Бунда. С. Л. был воплощением бодрости, действенной энергии, любви к борьбе. — Мы часто с ним расходились, но всегда мы все прислушивались со вниманием к его словам, — в них была честность, преданность социализму, глубокое понимание. У него была душа борца и сердце энтузиаста. Он принадлежал к поколению, которое целиком вошло в революцию. Он умер на чужбине вдали от родины, которую он любил, как подлинный патриот. Но мы знаем, что дело, за которое он боролся, правое дело, оно должно победить.

От имени грузинской с.-д. произносит речь И. Г. Церетели, близкий друг покойного. Он дает общую характеристику С. Л., как революционера и человека, — рисует светлый рыцарский образ его. (Речь т. Церетели приводится ниже). Близкие друзья и единомышленники покойного, А. Дюбуа и Н. Гарви, заканчивают серию траурных речей.

Т. Дюбуа говорил о своей первой встрече с С. Л. в 1905 году, в Петербурге, — о молодом красивом человеке, призывавшем к революционному свержению самодержавия. То же впечатление осталось у него от последней встречи с покойным другом в Москве в комендантской Г. П. У. перед отправлением в сибирскую ссылку. У С. Л. была стальная, несгибаемая душа, воля, энергия. По первому зову он готов был из невольного изгнания вернуться к рабочим массам и отдать себя целиком революционной борьбе.

Т. Гарви говорил о судьбе партии, у которой смерть отнимает одного за другого лучших вождей, ум ее и сердце, и в дальнейшем дал общую характеристику деятеля и друга.

Закончились траурные речи, орган и скрипки исполнили «Реквием», и гроб медленно опустился.

Речь Ир. Георг. Церетели.

От имени социал-демократической партии Грузии я вновь пришел, чтобы выразить чувство братской скорби Р. С.-Д. Р. П., потерявшей одного из лучших своих борцов. Я пришел сюда также, чтобы сказать последнее прости другу, с которым судьба судила мне провести вместе годы изгнания в Сибири и с которым мне пришлось делить борьбу в 1917 г., другу, чей светлый, рыцарски чистый образ навсегда останется в моей жизни моральной опорой.

Семен Лазаревич вступил в рабочее движение 18-ти лет, в конце 90-х годов, когда рабочее движение впервые пробивалось в России, знаменуя собою спасительный сдвиг после многолетней реакции, и когда марксизм, как идеология рабочего класса, как западничество, возрожденное на новых началах, открывал широкие перспективы передовой части рабочего класса и тому поколению русской интеллигенции, к которому принадлежал Семен Лазаревич.

Он любил вспоминать это время, когда впервые зажглось в его сердце пламя борьбы за высшие идеалы человечества, когда впервые напиталось его сердце идеалами западно-европейского рабочего движения в сочетании с великими гуманитарными идеями русской литературы, которую так глубоко знал и так горячо любил Семен Лазаревич.

И свое горячее сердце, напоенное этими идеалами и жаждой борьбы и самопожертвования, он пронес неизменным сквозь всю свою жизнь борца, и до конца сохранил свою юношескую веру нетронутой и неурезанной компромиссами.

Своеобразна была жизнь Семена Лазаревича.

Среди испытаний и лишений нелегальной жизни, каторги, ссылки он дважды переживал моменты, когда революция побеждала, — в 1905 г. и 1917 г. Его любимые идеи казалось, в эти моменты пробивали прочный путь к сердцу народных масс. В эти дни Семен Лазаревич был на своем посту, в самом сердце революции, в ее главном штабе, но имя его не гремело в эти дни. Когда все склонялось перед революцией, когда знамя ее возносилось на гребне подымающейся народной волны и восторженные толпы рукоплескали всем, кто умел складно выразить идеи, за которые Семен Лазаревич отдал всю свою жизнь, — он, обладавший блестящим ораторским талантом, он, больше всех влюбленный в революцию и больше всех ею опьяненный, с каким-то целомудрием отодвигался в тень. Ему не хватало ни энергіи, ни умения пройти вперед, и наслаждение личного успеха никогда не смешивалось в его жизни с торжеством дорогих ему идеалов.

Но когда начинался отлив революционной волны и торжествующая революция начинала свое наступление, тут Семен Лазаревич выдвигался на первый план, и никому не

уступал он права принять на себя удары, направленные против пораженной революции.

Так было в 1905 г., так было и в 1917 г.

В октябрьские дни 1905 г., когда Совет был в расцвете сил, и каждое слово, произнесенное в нем, побѣдным эхом разносилось по всей России, никто не помнит выступлений Семена Лазаревича в Совете рабочих депутатов. Но все помнят, — когда пошатнулось влияние совета, когда вооруженные солдаты ворвались в помещение Совета для ареста его членов, вот тут, в напряженной атмосфере, когда каждое неожиданное движение могло послужить сигналом к побоищу, Семен Лазаревич присвоил себе слово от имени революции и обратился к солдатам с речью, за каждое слово которой он должен был заплатить или жизнью или свободой. Он продолжал эту борьбу и на суде над советом рабочих депутатов, и заплатил за это долгими годами ссылки и каторги.

В 1917 г., в первые месяцы февральской революции, мы помним, в какой атмосфере народного энтузиазма работали деятели революции, когда казалось, что, наконец, освободились навсегда народные массы от тяготевших на них веками оков деспотизма и бесправия. Семен Лазаревич был опять на посту и работал, деля с нами страшную ответственность и лихорадочный труд. Но кто в широких массах знал в эти дни его имя?

Но когда знамя, вчера боготворимое, было повергнуто и растоптано в пыли, Семен Лазаревич счел, что теперь его очередь пробиться вперед и вместе с товарищами подойти к нему, поднять это оплеванное, но по прежнему для него дорогое и святое знамя и, несмотря на сыплющиеся со всех сторон удары, защищать его и остаться верным ему до конца.

Он был природным рыцарем.

Он любил говорить, что любит жизнь и ее успехи, что он честолюбив. Но высшим честолюбием для него было всегда принимать на себя удары в трудные для революции минуты и быть в числе тех, которые и в поражении остаются до конца верными своему знамени.

Какие сокровища таились в этом мужественном сердце рыцаря, с улыбкой принимавшего удары! Никто не оценивал этого, как никто не подозревал до конца того, как изношено, как истерзано и как нуждается в поддержке это сердце, умевшее проявлять такую чисто женственную нежность по отношению к товарищам по борьбе.

И в личной жизни он был рыцарем, всегда готовым придти на помощь слабому.

Был момент в его жизни, когда он, преследуемый большевистскими властями, вечно голодал и говорил товарищам, что не знает, под каким забором умрет. В это время он нашел сына одного своего старого товарища, умершего в царской тюрьме. Узнал, что этот незнакомый ему мальчик находится в приюте, и он поспешил взять мальчика к себе из приюта, чтобы усыновить его и разделить с ним последний кусок хлеба.

Он умер в то время, когда идеи, которым он посвятил всю свою жизнь, временно побеждены, когда круг друзей его тесен, а круг противников и врагов его идей необ'ятен.

Придут другие, более счастливые поколения, которые выполнят то, за что боролся Семен Лазаревич.

Много ли внес для торжества этого дела Семен Лазаревич? Я этого не знаю, я не подвожу сейчас итогов... Но я знаю одно: без того редкого и бесценного материала, из которого было соткано сердце Семена Лазаревича, напитанное горячей, ничем непоколебимой верой в идеалы рабочего класса, нельзя построить того здания человечества, того храма будущего, который призван построить пролетариат.

Он умер так, как жил, несгибающимся рыцарем рабочего класса и высших идеалов человечества.

Памяти С. Л. Вайнштейна.

Ц. К. Об'единенной С.-Д. Партии Германии прислал Загр. Дел. Р. С.-Д. Р. П. выражение своего соболезнования по поводу смерти тов. Вайнштейна.

Ц. К. пишет:

«Дор. тов.!

Не успела улечься первая боль после столь тяжко поразившей Вас и всех нас смерти нашего незабвенного Мартова, как на Вас снова обрушился тяжкий удар: Вы потеряли тов. С. Вайнштейна, одного из своих наиболее испытанных и способных соратников.

Вместе с Вами скорбим по поводу утраты этого мужественного борца и выражаем Вам свое сердечное соболезнование.

С братским приветом
Об'единенная Соц.-Дем. П. Германии.
А. Криспин».

Берлин 2. 5. 23.

С выражением горячей скорби об утрате «стойкого борца и большого, чуткого человека» обратились в Загр. Дел. нашей партии т. т. В. Зензинов и Б. Рабинович от имени и по поручению Комиссии по организации защиты членов Ц. К. П. С.-Р. на московском процессе. К своему письму названные товарищи приложили 100 000 марок в фонд для постановки памятника на могиле С. Л. Вайнштейна.

7-го мая в Берлинском социал-демократическом клубе состоялось заседание, посвященное памяти С. Л. Вайнштейна. Т. т. Юдиным, Даном, Церетели, Дюбуа были произнесены речи, характеризовавшие общественную и партийную работу и личность покойного товарища. В конце собрания председательствовавший т. Юдин выразил от имени членов клуба горячее соболезнование вдове и матери покойного.

А. И. Предкальн

Из Риги прибыла печальная весть о смерти доктора Андрея Ивановича Предкальна. В последние годы покойный товарищ непосредственно не принимал участия в политической жизни, но он все время оставался верен делу освобождения рабочего класса и входил в братскую соц.-дем. партию Латвии. Но еще с десять лет тому назад т. Предкальн был одной из выдающихся фигур в российском рабочем движении.

В 1908 году во время выборов в 3-ью Гос. Думу т. Предкальн был выдвинут в качестве депутата от рабочих. Его избрание было сплошным триумфом. Популярность его была так велика в разноплеменном населении Риги, что за Предкальна голосовало помимо социал-демократов и много беспартийных демократических избирателей.

По приезде в Петербург А. Предкальн вошел в соц.-дем. фракцию Госуд. Думы. Он был большевиком, но все товарищи, члены фракции и представители партии, работавшие в думской фракции, с большим удовлетворением вспоминают совместную работу с ним. Т. Предкальн не был оратором. Он преимущественно участвовал в комиссионно-деловой работе. В частности, ему принадлежит крупная роль в борьбе за социальное страхование, в выработке законов о больничных кассах. Он писал по этим вопросам, и имя его тесно связано со страховой кампанией, проведенной социал-демократией в те годы с большим успехом.

В 1912 году т. Предкальн поселился опять в Риге, где отдался своему призванию врачебной деятельности. Но в войну, когда стонавшие под немецкой оккупацией латышские рабочие вынуждены были массами бежать в Россию, Предкальн в Петербурге стал во главе комитета помощи беженцам-латышам. Царское правительство неоднократно пыталось подвергнуть его административной высылке в эти годы, — в частности, за постоянные связи, которые он поддерживал с соц.-дем. фракцией 4-ой Гос. Думы.

Революционные годы он провел в Риге, где заведывал в качестве врача детской лечебницей, пользуясь большой популярностью, как человек, врач и общественный деятель. По своим политическим настроениям он принадлежал к левому крылу с.-д. партии Латвии. Скончался т. Предкальн на 49 году. Провожать его останки собралось до 10 тысяч человек, в сердцах которых навсегда осталась память о д-ре Предкальне, никогда не порывавшем связи с делом рабочего класса.

По России

Внутри Р. К. П.

Заимствуем из № 3 «С.-Д.», органа Бюро ЦК (апрель 1923 г.), следующие указания на борьбу течений среди большевиков:

«Мы упоминали уже о группе «Рабочая Правда». Теперь появились еще и другие документы. Имеется обширная записка «левых». Авторы ее стоят на определенно синдикалистской точке зрения (т. е. власть профсоюзам), отвергают идею единого фронта, «реакционной» называют группу «Рабочей Правды» и говорят о «социалистическом строительстве в России. Но они с необычной для коммунистов смелостью разоблачают диктаторство Ленина и Зиновьева, высказываясь о последних без всякого уважения и указывают на бесправие и подавленность рабочего класса. «Записка» рисует яркую картину террора против рабочих и лицемерия большевистской политики и требует свободы для пролетариата, пролетарской демократии. Образовалась и другая группа «либерально» настроенных коммунистов. В противоположность «Раб. Правде» и синдикалистской группе, это течение не говорит об общей политике и положении рабочего класса. Оно пред'являет скромное требование «свободы слова» для коммунистов. «Либералы» разоблачают режим бюрократизма, насилий, кумовства, имущественного неравенства в партии. Они требуют свободы пока для себя и проявляют тоже большую смелость, требуют удаления из ЦК наиболее скомпрометированных насильников и бюрократов: Зиновьева, Каменева и Сталина».

Террор против социалистов.

Репрессии приняли сейчас всероссийский характер.

Были массовые обыски и аресты в Киеве и в Одессе. Число арестованных еще не выяснено. 5 человек было арестовано в Нижегородском районе; 2 выпустили, остальных отправили в Москву. Были аресты в Туркестане. Товарищам, кончившим ссылку, срок продлен, и они высылаются в более глухие места. Аресты были также в Витебске, Тамбове и Ялуторовске (в последних двух арестованы ссыльные). В Москве продолжаются обыски и аресты. Из Петрограда прислана группа товарищей, арестованных по обвинению в принадлежности к Р. С.-Д. Р. П.

В общем по имеющимся в настоящее время сведениям аресты были в следующих городах: Москве, Петрограде, Одессе, Киеве, Брянске, Орле, Туле, Костроме, Тамбове, Твери, Краснодаре, Ялуторовске, Туркестане, Оренбурге, Витебске, Вятке (1 чел.), Курске (1 чел. — выслан); Воронеже (1 чел. ссыльный — освобожден). Нижегор. районе. Аресты приняли массовый характер. Арестовываются люди по старым спискам.

В Пертоминске сошел с ума с-р. Крюков. Он переведен в Архангельск.

В Архангельске арестованы несколько жен заключенных в Пертоминске с-р-ов за сношения с лагерем.

В Пертоминске анархисты, обложив себя соломой, пытались поджечь себя, но были во время спасены. Тогда ими была об'явлена голодовка, продлившаяся 11 дней. Из Москвы выехала специальная комиссия. После этого режим улучшен.

Более подробных сведений пока нет.

Москва, 17 апр.

Новые сведения об обысках и арестах имеются из следующих городов: Уфы (всего произведено 52 обыска), Казани, Перми и Харькова. В Харькове произошло следующее. Во время осенних арестов 5 человек были освобождены по болезни на поруки. Месяца 1½ тому назад этим товарищам и еще двум, которые были раньше освобождены, было пред'явлено обвинение в агитации и пропаганде. В ночь на 4-ое они были арестованы, и им об'явили, что они ссылаются в Архангельский концлагерь. В ответ на это ими была об'явлена голодовка, которая продолжалась 6 дней. В результате голодовки их освободили, но приговор пока не отменен. Вообще, на каких условиях произошло освобождение, нам пока неизвестно. Сейчас некоторые из этих товарищей больны.

Недавно отправлены в Пертоминск на 2 года 2 товарища, бежавшие из ссылки.

Некоторые из арестованных в Москве в феврале получили приговор: И. Рубин — 3 года концлагеря, Ф. Бялов[illegible]й — 2 года концлагеря, В. Драбкин — 2 года в Туркестан.

Осужденные на сроки по делу 22-х с.-ров переведены из внутренней тюрьмы в Бутырки в камеры, служившие раньше уборными и карцером. Камеры совершенно сыры.

Москва, 20 апр.

В Вятке арестованы все ссыльные, за исключением К. И. Цедербаум. Причиной, повидимому, послужила корреспонденция из Вятки, опубликованная в № 53 «С. В.», т. к. при обыске уполн. ГПУ Ремишевский говорил, что он ищет № «С. В.», где его «пропечатали».

Были аресты в Рязани и во Владимире (привезены в Москву).

Привезенный недавно из Семипалатинска в Москву, находившийся там в ссылке и осужденный за выступление на митинге о «живой церкви» к 5 годам тюремного заключения, тов. И. Трейгер, отправлен вчера в Пертоминский лагерь. Тов. Трейгер болен туберкулезом.

Москва, 20 апр.

Загр. Делегация партии левых с.-р. прислала нам следующее сообщение:

Готовится новое преступление.

Из Москвы получено следующее сообщение: только что был освобожден из тюрьмы член Ц. К. партии левых с.-р. В. Е. Трутовский, просидевший 3 года по делу убийства Мирбаха. Через несколько дней он был вновь арестован Чека и за отказ дать сведения о нелегальных товарищах ему сообщили, что его высылают в Кульджу (Монголия). Тогда он покушался на самосожжение, но был спасен товарищем. Сейчас он подал заявление в президиум Ц. И. К. о том, что в случае продолжения, после трехлетнего мучительства, этого подлого ареста, он прибегнет к крайней мере самозащиты.

Трутовский, один из прекраснейших революционеров в России, дважды отбывший ссылку при царизме, был народным комиссаром первого периода советской власти, написал ряд книг по теории социализма.

Мы требуем вмешательства международного рабочего класса для спасения жизни этого человека, неустрашимого борца против ликвидаторов российской революции и насадителей режима террора и нэповского разврата.

Рабочая жизнь

Главные мастерския сев.-зап. жел. дор.

Плохо живется сейчас всем железнодорожникам. Не легко и в наших мастерских. Условия труда самые тяжелые. Мастерские давно не ремонтировались, оборудование скверное, все износилось, испортилось. Охрана труда существует только на бумаге.

В под'емной мастерской адский холод, нет уборных, все замерзло. Трудно даже представить себе, как в таких условиях люди могут работать. В кузнечной мастерской (в горячих цехах) обстановка и условия работы такие, что, когда в мастерскую зашел член нормировочной комиссии (Лукомский), он пробыл там пару минут и сейчас же выскочил, не выдержав удушливой атмосферы. Работать приходится в помещении с наглухо заколоченной (на зиму) крышей, без признаков какой-либо вентиляции. Целый день дышим воздухом, насыщенным ядовитыми газами, в копоти и в дыму.

За последние полтора года выдали только один раз по полфунта мыла на рабочего. Рукавицы и передники кузнецам выдают по 8—10 штук на мастерскую в 100—120 человек.

Работая в таких условиях, мы, железнодорожники, получаем совершенно нищенскую плату. В то время, как ставки союза металлистов VIII и IX разрядов 650 и 780 руб., у нас те же разряды — 320 и 360 руб.,

Штучная работа дает квалифицированным рабочим ничтожный приработок. Установление сдельных расценок на работу зависит фактически от мастера и рабочий, не зная сколько он должен получить за свою работу, не имеет даже возможности добиваться правильной оплаты труда. Мастера зорко следят, сколько рабочий может выработать и затем уже устанавливают свои расценки, исходя из расчета все той же тарифной ставки. В конце месяца при расплате выясняется самый ничтожный приработок.

В то же время мастера получают высокие ставки, наградные, премии — за выпуск вагонов, за усиленную производи

...тельность, и т. д. Получается то же, что в старое время — вся премия, весь приработок, все, что удается выжать из рабочего, идет исключительно мастерам, администрации, которые работают, как они любят теперь говорить, «в интересах государства». Добиться чего-нибудь в интересах рабочих — страшно трудно. Дело тянется по всем инстанциям месяцами. Так, с ноября месяца был поднят вопрос о «жировых прибавках» на вредных работах в кузнечных цехах. Дело тянется, переходит из одной инстанции в другую, — результатов до сих пор никаких.

Из жалованья производятся всякие вычеты, до 45—50 мил. в месяц, и, в конце концов, получается, что работаешь за 5—8 руб. (довоенных) в месяц. На одном из общих собраний провалилось почти единогласно предложение о вычете в Воследгол» и все-таки вычеты производятся каждый месяц.

Неудивительно, что всю зиму в прошлом году и сейчас в мастерских беспрерывные «волынки». То одна, то другая мастерская останавливались на несколько дней, требуя своевременной выплаты жалованья, увеличения расценок и т. д. В прошлом году кузнечный цех в продолжение месяца почти не работал, требуя повышенных расценок, но результаты получились совершенно ничтожные. В этом году котельный и кузнечный цеха «волынили» из-за невыплаты жалованья за 2 месяца.

Учкпрофсож очень «чутко» прислушивается к настроению рабочих. Почувствовав признак недовольства, Учкпрофсож сейчас-же устраивает в кабинете начальника собрание нескольких «верных» делегатов от цехов; там в тиши выносятся очень хорошие постановления и резолюции, все это посылается в центр и... стоп — на этом заканчивается.

Коммунисты у нас заняты своими делами, а до рабочих им и дела нет. Для себя же они не зевают. Некоторые из них вечно пьянствуют, и, пожалуй, с ними можно продать и пропить весь завод.

Есть у нас и кооператив. Для того, чтобы получить там хлеба, нужно простоять полдня в очереди, так как на 18 цехов, разбросанных на большом пространстве, есть только одна лавка. Недавно выдавали по дешевой цене рис, муку и др. продукты, но из 2000 рабочих получили всего первые 30—40 человек, раньше всех узнавшие о выдаче. Эти получили по 1—1½ пуда, а остальные остались ни с чем. Видно, кооператив совершенно не заботится о том, чтобы правильно распределить продукты...

Настроение рабочих естественно подавленное. Каждый думает только о том, как бы прокормить себя и семью, как бы заработать где-нибудь на стороне, чтобы хоть этим свести концы с концами. Нет дружной спайки, нет единства. Все выступления рабочих разбивались из-за того, что выставляли требования отдельные мастерские, остальные их не поддерживали. Но уже понемногу начинают рабочие понимать, как можно добиться лучших условий труда и жизни. Начинают понимать, что без борьбы об'единенными усилиями всех рабочих мы не сумеем ничего добиться.

На Шатурке.

Завком Шатурской электрич. станции (под Москвой) совместно с представителем подрайкома металлистов гр. Курочкиным (коммун.) вел перед Пасхой переговоры с электротрестом по поводу заключения коллект. договора. Но в виду того, что у завкома с подрайкомом, с одной стороны, и трестом, с другой, были разногласия по вопросу об охране подростков, % отчислений на дом отдыха и некоторым другим и соглашения достигнуть не удалось, договор подписан не был.

Когда же после праздников завком явился в правление треста для выяснения положения с договором, ему заявили, что договор уже подписан представителем подрайкома гр. Курочкиным.

Общее собрание электрич. и механич. цехов выразило недоверие подрайкому и гр. Курочкину и выбрало 3 товарищей для заключения коллект. договора. Протокол этого собрания направлен в московский райком металлистов. К сожалению, у нас не имеется сведений о том, как реагировал на это райком.

«Охрана» труда.

В Москве, по официальным сведениям, в частной металлической промышленности требования по охране труда выполняются на 95%, в гос. промышленности значительно меньше. В госуд. предприятиях число конфликтов все увеличивается.

На Брянском заводе обследование дало убийственную картину условий работы. Нарушаются самые основные требования гигиены. В ряде цехов температура не подымается выше 0 градусов. Теплая одежда не выдается.

На Ижевских заводах с 1 марта по 1 декабря 1922 года зарегистрировано 306 несчастных случаев, из них окончившихся смертью — 1, тяжелых — 13, с потерей трудоспособности — 205, остальные — с временной потерей трудоспособности. По мнению самого большевистского союза металлистов, «чаще всего причины этого кроются в халатном, небрежном, недостаточно внимательном отношении заводоуправления»...

В Кольчугинском райкоме металлистов комиссия нашла на ряде предприятий вопиющие нарушения труда. Тоже холод, грязь, скученность; на одном заводе рабочие буквально отравляются густой кислотной атмосферой.

«С.-Д.» № 3.

Охрана труда и Комсомол.

Скверно обстоит дело в Советской России с охраной труда молодежи. Вот некоторые цифры.

«В картофельно-паточном и овощно-сушильном производстве на 100 всех дел (о нарушении кодекса труда) их (т. е. дел о подростках) насчитывается 55,6; в слесарном и кузнечном цехах — 52,4; в сапожном производстве — 41,7; на строительных работах — 29,4 и т. д.». В некоторых местах процент малолетних (до 14 лет) достигает почти ¼ общего числа несовершеннолетних рабочих». («Труд» № 47).

Сообщают о безудержной эксплоатации подростков в Обозерском леспайоне Северолеса, где «служащие и рабочие работают до 18 часов, во всяком случае не менее 10 часов в сутки. Для малолетних исключений не делается». («Труд» № 47).

На всероссийском с'езде по работе среди молодых текстильщиков приводились поражающие цифры больных среди подростков, при чем в некоторых районах процент больных доходит до 40. («Труд» № 48).

Что же делает Комсомол для ликвидации этих явлений? Он пытается кое-что сделать, но из всех его начинаний ничего не получается. Комсомол то создает какие-то междуведомственные комиссии (напр., в Белоруссии), работа которых «принимает самостоятельную, обособленную от всей профорганизации форму, часто проходя вне всякой системы союзной деятельности и ее рабочего аппарата», («Труд» № 47); то создает своих представителей в профсоюзах, которые, как это выяснилось на упомянутом с'езде текстильщиков, либо самостоятельно ведут свою работу, «разрешая и выполняя ее помимо профсоюза», либо уходят в общую работу, теряя связь с РКСМ». («Труд» № 48).

А пока суть да дело подростки голодают и подвергаются эксплоатации. Успешная борьба за охрану труда может вестись только при деятельном участии самой молодежи во всех интересующих ее вопросах.

«Ю. Р.».

За-границей

В Латвии.

В течение последних шести месяцев в Латвии произошел ряд значительных политических перемен.

После крайне долгих переговоров между представителями партий в сейме образовалось буржуазно-социалистическое большинство, которое составило новое коалиционное правительство. В новый коалиционный блок вошли крестьянский союз (17 деп.), демократический центр (об'единение четырех мелких фракций, 22 деп.), правые социалисты (7 деп.) и Л. С.-Д. Р. П. (31 деп.). В правительстве наши товарищи получили 4 места.

Л. С.-Д. Р. П. во все время ведения переговоров стремилась к образованию чисто левой коалиции без участия консервативного крестьянского союза. Однако, левая коалиция, которая была уже составлена, снова рухнула благодаря позорному предательству латышских правых социалистов. Они, — к сожалению, все еще именующие себя «социал-демократами-меньшевиками» — в последний момент выступили из левого коалиционного блока, заявив, что без участия крестьянского союза в правительстве невозможно создание «устойчивого правительства» и возможна гражданская война реакционно-фашистских элементов против левого правительства.

Л. С.-Д. Р. П. принуждена была силой этих обстоятельств выбрать одно из двух — либо передачу власти в руки консервативно-реакционных партий, что повело бы к образованию фашистской диктатуры в стране; либо участие свое в большой коалиции до крестьянского союза включительно, что дало бы (по мнению большинства партии) известные гарантии для успешной борьбы с нарастающей реакцией и расширило бы, по ее мнению, политические свободы для самостоятельности рабочих масс. Партия, согласно решению конференции, выбрала последнее.

Происходивший 29 и 30 марта в Риге 8-ой с'езд Л. С.-Д. Р. П. большинством голосов одобрил тактику центрального комитета и сеймовой фракции. За линию Ц. К. (после отчетов т. т. А. Рудевица, Ф. Целена и В. Бастяна) голосовало 112 делегатов. Резолюция т. т. Ф. Мендера и П. П. Кальнина, критикующая тактику Ц. К., но не требующая немедленно выступления из правительства, собрала 23 гол., а резолюция т. М. Озолина, высказывающаяся за немедленный отзыв представителей партии из правительства, — всего 5 гол. В принятой с'ездом резолюции говорится, что соц.-дем. должны оставаться в коалиционном правительстве, пока этим путем удается расшатать сплочение реакционных сил, освободить демократические элементы буржуазии от реакционного руководства и связать их с демократической политикой, а также «пока демократические группы буржуазии исполняют минимальные требования рабочего класса, высказанные в правительственной декларации». Нужно однако отметить, что существующие разногласия по вопросу о коалиции не вызывают острой внутри-партийной борьбы. Напротив, партийная работа ведется очень дружно и дисциплинированно представителями всех течений. Точку зрения большинства партии поддерживает также центральное бюро профсоюзов, об'единяющее теперь три четверти (15 000) всех профессионально-организованных рабочих Латвии.

Из прочих вопросов, разобранных на с'езде, следует отметить доклады партийных министров и отчет секретаря Ц. К. т. Бруно Кальнина. Согласно последнему, партия насчитывает 149 местных организаций, об'единенных в 17 уездных и 6 областных организациях, с общим числом регулярно платящих членов в 4000. Происшедшее уменьшение численного состава партии об'ясняется проведением земельной реформы. Часть получивших землю мелких крестьян отходит от социализма и от партии. 63 проц членов партии — рабочие, 10 проц. — интеллигенция, 27 проц. — мелкие крестьяне, собственники, арендаторы и ремесленники. 53 проц. всех членов партии состоит в городских организациях, 47 проц. — в сельских. В истекшем году партия созвала 587 массовых собраний, с 159 000 посетителями. Издаются 2 ежедневных газеты (в Риге и Либаве) с тиражом в 10 000 экз. Руководящие центры профсоюзов, рабочих кооперативов и культурных организаций работают рука об руку с партией. Большевики и правые социалисты имеют весьма незначительное влияние.

Принятый с'ездом новый устав партии включил латвийский «Бунд» в Л. С.-Д. Р. П., как его автономную, организационную составную часть.

Ц. Бюро Бунда в Латвии просит нас напечатать следующее: Во исполнение постановления конференции Бунда в Латвии, Ц. Б. доводит до всеобщего сведения, что депутат Латвийского Сейма д-р Майзель считается из партии исключенным за неподчинение партийной дисциплине, нигде не может выступать от имени Бунда и представителем Бунда в Сейме не является.

Из партии

Партийные издания.

1) «Социал-Демократ» № 3 (апрель 1923 г.), орган Бюро ЦК. Как и предыдущие 2 номера, отпечатан в собственной типографии Бюро. Содержание: Судороги режима. — Почему мы за демократию? — Разногласий нет! — Поздние «перелеты» (о Мартынове и Рожкове). — Что они ответят? — Лови вора! — Реакция. — Рабочая жизнь: Перед весной. — Наступление началось. — «Охрана» труда. — Наша тарифная политика. — В Донбассе. — Одесса. — Сормово. — Под режимом террора: На медленную смерть. — Расправа над грузинскими с.-д. — По столыпинской дорожке. — «Меч революции». — В Грузии. — В партии.

2) Социал-Демократ № 4 (апрель 1923 г.), орган Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П. Содержание: Смерть тов. Ю. О. Мартова. — Ю. О. Мартов в юности. — В поисках выхода. — На пути к об'единению. — Вместо рабочей хроники. — Под режимом террора. — В партии.

3) «Юный Рабочий», орган Московской группы Росс. с.-д. союза рабочей молодежи. Крайне живо и агитационно написанный журнал в 8 страниц на ротаторе.

4) Бюллетень Одесского Комитета Р. С.-Д. Р. П. № 16 (март 1923 г.). 18 страниц текста, убористо писанного на пишущей машинке и воспроизведенного на ротаторе. По обыкновению, номер составлен очень живо и интересно.

5) К позорному столбу! Прокламация Бюро ЦК и Московского Комитета, посвященная полицейской облаве в день 25-летия партии.

6) Первое мая. Ко всем рабочим и работницам России. — Превосходно отпечатанная в собственной типографии прокламация Бюро Ц. К. Р. С.-Д. Р. П.

В пользу ссыльных и заключенных от 15-го марта до 1-го мая поступило:

	марок
От S. Izermann, Haag . . . . Gulden 40.—	
„ M. C., Вена . . . . австр. крон 50 000.—	
„ Берл. с.-д. клуба . . . шиллинг 10.—	395 000.—
„ N. N. N.	20 000.—
„ Б. С.	2 500.—
„ Т. Марш.	10 000.—
„ S. Izermann . . . . Gulden 40.—	
Из Риги через Э.:	
через Соню . . . латв. рубл. 7 200.—	
через Розу . . . . „ „ 1 200.—	
от концерта. . . . „ „ 11 075.—	
Через к-т. Бунда:	
с вечера памяти Медема . . . 2 000.—	
с вечера в пользу арестован. . 4 700.—	
по подписн. листам . . . . 12 245.—	
От С. И.	5 000.—
„ берлинского политич. Красн. Креста	3 000 000.—
„ N. N. N.	20 000.—
„ N. N. N. N.	20 000.—
Из Риги через Э.:	
по подписн листу № 1 латв. руб. 200.—	
с вечера памяти Мартова „ „ 2452.—	
От американ. О-ва помощи заключен. социалист. в России . долларов 150.—	

Всего: гульден. **80.—**, австр. кр. **50 000.—** шиллинг **10.—**, латв. рублей **41 072.—**, долларов **150.—** и нем. мар. . . . . 3 472 500.—

В кассу „Социалистич. Вестника" с 15-го марта до 1-го мая поступило:

	марок
От комиссии по розыгрышу книг	16 000.—
„ С.-д. берлинского клуба . . шилл. 10.— и	395 000.—
„ Г. . . . . фр. фр. 1.—	
„ Генриха Иванова . . . фунт. стерл. 5.—	
„ W. . . . . долларов 10.—	
„ Рижской группы содействия Р. С.-Д. Р. П . . . . латв. рублей 911.—	
„ Базельской „Arbeiter-Zeitung" за бюллет. и перепечатки шв. фр. 25.—	
„ С. И.	10 000
„ Гальп . . . . шиллингов 10.—	
„ W.	291 000.—
„ Комиссии по розыгрышу книг	57 000.—
Из Риги через Э. в счет комиссии по розыгр. книг латв. рублей . 3000.—	
„ Рижской группы содействия латв. рублей 240.—	
„ Ан. . . . . шиллингов 17.—	

Всего: долл. **10.—**, фунт. стерл. **6.—**, шилл. **17.—**, фр. ф. **1.—**, швейц. ф. **25.—**, латв. рублей **4151.—** и нем. марок. . . . . 769 000.—

В пользу ссыльных и заключенных, вместо венка на могилу Мартова, поступило:

	марок
От Красинскаго . . . . фунт. стерл. 5.—	
„ загран. делегации партии соц.-рев.	100 000.—
„ М. З.	50 000.—
„ редакции журн. „Заря"	100 000.—
„ К. Д. К., ... долл. 50.—	
„ Ньюйорк. группы с.-д. имени Плеханова. . . . . долл. 10.—	
„ Ольги Железногорской	4 000.—
„ Т. и Э. Вулих	40 000.—
„ П. Б. и А. П. Аксельрод	150 000.—
„ Парижской группы содейств. фр. ф. 150.—	
„ Мерингов	50 000.—
„ Группы служащих „Орта"	160 500.—
„ Членов берлин. с. д. клуба	411 000.—
„ Партии левых соц.-револ.	100 000.—
„ Теслин . . . . швейц. фр. 5.—	
„ Редакции Нью-Иоркск. „Vorwärts" доллар. 50.—	
„ Садовскаго . . . . доллар. 1.—	
„ М. Штерна	40 000.—

Всего: фунт. стерл. **5.—**, доллар. **111.—**, франц. фр. **150.—**, швейц. фр. **5.—** и нем. мар. 1 205 500

Почтовый ящик.

Отправлены №№ 36.
Получен № 59 (без номера).

Verantwortlich für Redaktion und Verlag: Alexander Rubinstein, Berlin-Charlottenburg. — Druck: Vorwärts Buchdruckerei u. Verlagsanstalt Paul Singer & C.